

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ 8 р. —

на 9 мѣсяцъ 6 р. —

на 6 мѣсяцъ 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за Границей

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Поварской пер., д. 5, кв. 17, а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Масунина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Ангарскій путь и его значеніе.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Сыръ-Дарьинской области, Иркутска, Читы, Барнаула, Устькаменогорска, Минусинскаго округа и Владивостока.—Сибирскій уездный городъ (этнографическій этюдъ). II.—Сельская община въ Киренскомъ округѣ. Ф. Г.—Сибирякъ (стихотвореніе). Омульское.—Вояжъ сибирскаго кушца (изъ путевыхъ воспоминаній). Мишля.—Хроника жизни за недѣлю.—Биографія.

ХРОНИКА

АНГАРСКІЙ ПУТЬ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

Недавно, членъ иркутскаго статистическаго комитета, г. Воротниковъ, пославъ телеграмму въ петербургскія газеты о проплытіи г. Калистратовымъ ангарскихъ пороговъ на катерѣ г. Сибирикова, въ то же время разослалъ по редакціямъ письмо, рекламирующее это событіе. Письмо это, напечатанное въ № 25 „Иркускихъ, Губернскихъ Вѣдомостей“, прислало и къ намъ въ редакцію. Въ немъ, г. Воротниковъ, желая придать особое значеніе путешествію г. Калистратова, называетъ послѣднее „эпохой въ отношеніи края“. Говоря о благополучномъ проплытіи Падунскаго порога, г. Воротниковъ отдается восторгу и прибавляетъ: „такъ или иначе, а вопросъ о возможности пароходства по Ангарѣ, о которомъ такъ долго-долго говорилось и много писалось, можно считать повидимому рѣшеннымъ“.

По поводу этого открытія и изъясняемыхъ восторговъ, мы рѣшились обратиться къ лицамъ авторитетнымъ въ этомъ вопросѣ, весьма долго изучавшимъ водные пути Сибири и знающимъ цѣну подобнымъ открытіямъ. Вотъ что они сообщили намъ по поводу этого событія, въ связи съ разрѣшеніемъ вопроса объ осуществленіи путей въ Сибири.

Самъ по себѣ фактъ проплытія г. Калистратовымъ внизъ по порогамъ, хотя бы и впервые на паровомъ суднѣ, ничего не измѣняетъ въ вопросѣ о судоходности Ангары, такъ какъ Ангара всегда была сплавною рѣкою, по которой сплавливались даже такіе цѣнные грузы, какъ чай и свинецъ, и при этомъ несчастные случаи бывали сравнительно очень рѣдко. Мало того, въ самое первое время завоеванія Восточной Сибири, всѣ суда и грузы двигались единственно тогда путемъ сообщенія вверхъ по Ангарѣ, причѣмъ передъ большими порогами суда разгружались, грузы перетаскивали берегомъ, а суда поднимали въ пороги воротами. Этимъ же путемъ отправлялись и первыя наши посольства въ Китай.

Въ изданномъ недавно дневникѣ путешествія посла Спафарія (1675 года) можно прослѣдить изо-дня въ день, какъ

онъ поднимался вверхъ по Ангарѣ, и хотя въ дневникѣ своемъ онъ и не упоминаетъ о затрудненіяхъ, какія представлялись при проходѣ нѣкоторыхъ пороговъ, но говоритъ объ этомъ безъ всякой восторженности, какъ почти всѣ путешественники и труженики не послѣдняго времени. Самые большіе пороги—Долгий, Шаманскій и Падунскій—Спафарій проходилъ въ теченіи одного дня, а пороги Пьяный и Похмѣльный онъ оба прошелъ въ одинъ и тотъ же день. Точно также, и при описаніи путешествій другихъ нашихъ пионеровъ въ Восточной Сибири, почти ничего не упоминается о трудностяхъ прохода порогами; видно только, что люди шли, приходили и дѣлали, что имъ было нужно. Если двѣсти и болѣе лѣтъ тому назадъ, съ ничтожными средствами и въ особенности при маломъ населеніи страны, на половину враждебномъ, представлялось возможнымъ передвигать грузы и людей вверхъ по Ангарѣ, противъ паденія пороговъ, то рѣшительно отказываешься теперь удивляться подвигу г. Калистратова, рискнушаго въ 1883 году спуститься внизъ по рѣкѣ, и еще при помощи пара. Само собою разумѣется, какъ заявилъ и провожавшій г. Калистратова лодманъ, что править на паровомъ суднѣ гораздо легче, нежели на баржѣ, да еще неуклюжей.

Но все это только одна сторона дѣла, по нашему мнѣнію, нисколько неинтересная и касающаяся лишь гг. Калистратова, Сибирикова и еще немногихъ заинтересованныхъ въ празднованіи побѣды. Въ письмѣ г. Воротникова, рекламирующемъ открытіе, мы обращаемъ вниманіе главнымъ образомъ на тѣ слова его, гдѣ онъ говоритъ, что „такъ или иначе, а вопросъ о возможности пароходства по Ангарѣ, о которомъ такъ долго-долго говорилось и много писалось, можно считать повидимому рѣшеннымъ“. Если бы г. Калистратовъ не только спустился благополучно внизъ по рѣкѣ, но даже и поднялся бы опять до Иркутска, то и тогда этотъ его подвигъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ судоходству и пароходству по Ангарѣ. Пароходство можетъ существовать только при условіи удобнаго и сравнительно безопаснаго прохода судовъ и грузовъ въ обѣ стороны, а не по одному

лишь направлею вниз по рѣкѣ; поэтому, сколько бы ни было отдѣльных случаев подъема или спуска пароходовъ через пороги, съ большими или меньшими затрудненіями и рискомъ, все же Ангара останется Ангарою и правильное пароходство по ней немисливо, пока не будутъ произведены гидротехническія работы въ самомъ руслѣ рѣки. На этотъ предметъ и должны бы быть употреблены капиталы и трудъ, если не частныхъ лицъ, то правительства. Объ этомъ дѣйствительно много и писалось, и говорилось, даже на нѣмецкомъ языкѣ, такъ-какъ, въ 1868 году, объ учрежденіи пароходства по Ангарѣ, съ расчисткою пороговъ и устройствомъ дороги отъ Енисейска до Кети, хлопотала одна гамбургская компанія. Къ сожалѣнію, пороги оказались непреодолимыми,—правда, не ангарскіе, а пороги нѣкоторыхъ петербургскихъ канцелярій.

Кстати тутъ же припомнить, что еще въ 1822 г. нѣкто Козанъ испрашивалъ разрѣшенія на учрежденіе пароходства по Ангарѣ; разрѣшенія, однако, не воспослѣдовало на томъ основаніи, что пароходы, буксируя баржи на быстромъ теченіи, могли бы разодрать себѣ кормы.

При просмотрѣ исторіи учрежденія пароходства по вѣмъ сибирскимъ рѣкамъ *), бросающаяся въ глаза тотъ фактъ, что препятствіями служили всегда не естественныя условія рѣкъ, а тѣ преграды, которыя создавались петербургскими и генераль-губернаторскими канцеляріями. Такъ, напр., по поводу прошенія Мясникова въ 1848 году, объ учрежденіи пароходства по рр. Оби, Енисею и Ангарѣ департаментъ мануфактуръ и торговли отозвался какъ о предпріятіи рискованномъ и неудобноисполнимомъ, а генераль-губернаторъ Западной Сибири просилъ министра финансовъ не давать хода этому проекту, какъ могущему имѣть „зловредныя“ послѣдствія.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время министръ путей сообщенія обратилъ вниманіе на водяные пути Сибири; но и на этотъ разъ повидимому какой-то злой рокъ преслѣдуетъ Ангару. Испрашивая въ прошломъ году кредитъ на устройство непрерывнаго воднаго пути отъ Тюмени до Байкала, посредствомъ прорытія Кемскаго канала и расчистки пороговъ на Ангарѣ, министерство, по непонятнымъ причинамъ, отдало предпочтеніе Кемскому каналу, какъ первому по очереди. Между тѣмъ, представляется очевиднымъ, что до расчистки ангарскихъ пороговъ, соединеніе каналомъ Оби съ Енисеемъ принесетъ сравнительно мало пользы. Если же министерство не имѣло возможности приступить къ работамъ одновременно и на каналѣ, и на Ангарѣ, то необходимо было, крайней мѣрѣ, начать работы съ расчистки Ангары, какъ болѣе важной части этого пути. Къ тому же и стоимость работъ на Ангарѣ значительно менѣе, нежели на каналѣ. На устройство канала по сметѣ требуется 8.000,000 рублей, а на расчистку Ангары—2.000,000 р. **).

Въ настоящее время остается только надѣяться, что министерство путей сообщенія обратитъ болѣе серьезное вниманіе на Ангару и послѣдитъ на помощь сибирякамъ въ ихъ постоянномъ стремленіи пользоваться водяными путями Сибири, какъ самыми удобными и дешевыми въ такомъ обширномъ и малонаселенномъ краѣ. Съ этой точки зрѣнія, пред-

примчивость гг. Сибирякова и Калистратова заслуживаетъ, конечно, извѣстнаго сочувствія, но не слѣдуетъ только преувеличивать сдѣланнаго. Спускъ парохода вниз по Ангарѣ до самаго Енисея и подъемъ его обратно до Иркутска, конечно, гораздо болѣе будутъ способствовать скорѣйшему и практическому разрѣшенію вопроса объ условіяхъ плаванія Ангарою, нежели дорого стояющія экспедиціи, оставляющія слѣдъ лишь въ министерскихъ архивахъ.

До расчистки пороговъ и учрежденія пароходства на Ангарѣ, примѣръ, показанный г. Калистратовымъ, будетъ имѣть ту практическую пользу, что можетъ поднять репутацію Ангары, какъ сплавної рѣки, и, вслѣдствіе этого, многіе грузоотправители будутъ пользоваться Ангарою для сплава чайныхъ и другихъ грузовъ, какъ это дѣлалось въ прежнія времена.

Во всякомъ случаѣ, значеніе Ангарскаго пути несомнѣнно, и какъ мы говорили не разъ, въ связи съ нимъ находится и значеніе проводимаго нынѣ Кетскаго канала.

ХРОНИКА.

Въ № 27 газеты „Сибирь“ помѣщена статья „О водныхъ путяхъ сообщенія“, относящаяся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ Ангарскому пути. По поводу ея, намъ доставлены однимъ компетентнымъ лицомъ слѣдующія замѣчанія.

Расчеты автора статьи о продолжительности плаванія пароходовъ по сибирскимъ рѣкамъ грѣшатъ тѣмъ, что авторъ принимаетъ въ соображеніе ходъ какихъ-то несчастныхъ иркутскихъ пароходиковъ, Богъ вѣсть, гдѣ, когда и какъ построенныхъ. Понятно, что результаты такихъ расчетовъ должны были выйти несообразные. По этому поводу опять приходится привести эпизоды изъ исторіи сибирскаго пароходства. По соображеніямъ министерства путей сообщенія въ 1848 г. выходило, что въ теченіи одного лѣта пароходъ могъ пройти только отъ Тюмени до Томска, а грузовъ, на которые, по мнѣнію министерства, можно было рассчитывать, хватало только на одинъ и много на два рейса парохода *). То, что можно простить чиновникамъ, да еще 1848 года, ужъ никакъ непростительно нынѣ лицамъ, могущимъ на мѣстахъ знать болѣе. Отъ кого же и ждать возможно-вѣрнаго разрѣшенія такого вопроса? Точно также не выдерживаетъ критики и предположеніе автора статьи, что будто бы одинъ и тѣ же пароходы будутъ проходить весь путь отъ Тюмени до Кяхты. Въ дѣйствительности ничего подобнаго, конечно, не будетъ. Малыми пароходами грузы будутъ идти только по мелкимъ рѣкамъ; по большимъ же и глубокимъ—они будутъ идти при помощи большихъ пароходовъ, а по каналамъ—пароходы, вѣроятно, и вовсе ходить не будутъ (кромѣ случайныхъ). Для примѣра, автору статьи газеты „Сибирь“ можно бы указать на Волгу и на три водяныя системы, соединяющія Петербургъ съ Астраханью. Очевидно, онъ мало знакомъ съ условіями плаванія пароходовъ по такимъ длиннымъ и разнороднымъ водянымъ путямъ. Авторъ статьи, напримѣръ, недоумѣваетъ: „будутъ ли въ состояніи пароходы поднимать за собою баржи по ангарскимъ порогамъ?“ Но недоумѣіе это лишнее: конечно, будутъ. И безъ производства новыхъ изслѣдованій и онытовъ плаванія по труднымъ мѣстамъ для всѣхъ очевидно, что въ естественномъ своемъ состояніи Ангара не только не судоходна, но даже не можетъ быть признана удобною и безопасною для сплава. Но въ то же время несомнѣнно, что Ангара можетъ быть сдѣлана судоходною для безопаснаго плаванія пароходовъ съ баржами на буксирѣ какъ внизъ, такъ и вверхъ по рѣкѣ. На этотъ счетъ, у техниковъ по крайней мѣрѣ, никогда не было сомнѣній. Весь вопросъ тутъ только въ томъ, насколько овчинка стоитъ выдѣлки,

*) Изв. Имп. рус. геогр. общ. 1878 г., № 5, Записки и отчетъ капитана А. К. Сиденера.

**) Докладъ г. Баладина въ общ. промышленности и торговли,

*) Изв. Имп. географическаго общества 1876 г.

т. е. насколько ожидаемая блага способны оправдать тѣ или другіе работы и расходы? Разрѣшенію вотъ именно этого-то вопроса сибиряки и должны бы способствовать по мѣрѣ силъ и возможности. Къ сожалѣнію, статей своей авторъ ни мало не выясняетъ этого вопроса, а только еще немного затѣмняетъ его. Оглядъ все оказывается подл сомнѣніемъ и снова выступаютъ на сцену: длина пути, краткость навигаціи, сѣверныя пустыни, опасеніе, что болѣе одного рейса пароходы сдѣлать не могутъ, потеря грузовъ, запаздыванія въ пути, замерзанія винтъ, дороговизна доставки, снабженіе топливомъ и постановка на мель въ совершенно безлюдныхъ мѣстностяхъ, — есть отчего въ отчаяніе придти! Кромѣ Калистратовскихъ, другихъ примѣровъ авторъ не знаетъ. А между тѣмъ, занимающимся этимъ вопросомъ должно быть извѣстно, что, напримѣръ, Спафарій проѣхалъ рѣками отъ Тобольска до Селенгинска, т. е. весь путь противъ воды, въ теченіи одного лѣта. Лѣто это было отъ Р. X. 1675-го, — фхалъ онъ, значитъ, не на пароходѣ. При всей неособразности нашего климата и при всей безконечной длинѣ российскихъ рѣкъ, все же волжские пути всегда будутъ имѣть важное значеніе. Примѣръ—рѣки Европейской Россіи. И тамъ бывають случаи замерзанія винтъ и другихъ грузовъ, но процентъ ихъ сравнительно съ массой передвижаемыхъ грузовъ, конечно, ничтоженъ. Вся бѣда не въ перечисленныхъ авторомъ бѣдствіяхъ, а въ нашей собственной неподвижности или неумѣлости принятъи за дѣло.

Прибавимъ къ этому отъ себя, что главное свидѣтельство нашей неумѣлости и неумѣнья ориентироваться заключается именно въ томъ, что мы только теперь поняли, что начали „дѣло съ хвоста“, т. е. съ канала, когда не омыслили еще для него путь по Ангарѣ. Впрочемъ, не надо забывать, что каналъ далъ толчекъ и ангарскому вопросу.

Въ Иркутскѣ, проѣздя г. Калистратова вызвалъ, какъ видимъ, восторженное „ура!“ Надо помнить, однако, что дѣло далеко не кончено. Мы, прозяки сибирской печати, чувствуемъ, что придется еще долго напѣвать сибирскому обществу: „Эхъ, дубинушка, ухнемъ!“ — пока оно „само пойдетъ“.

Въ правительственныхъ сферахъ, какъ передаютъ „Моск. Вѣд.“, возбужденъ вопросъ о новой желѣзной дорогѣ на Уралѣ. Дорога эта должна соединить всѣ главные заводы южнаго Урала и, затѣмъ, соединя ихъ на сѣверѣ съ Екатеринбургомъ, а слѣдовательно и со всемъ сѣвернымъ Ураломъ, можно своею оконечностію дойти до пароходнаго воднаго пути, ведущаго въ Волгу, подобно тому, какъ сѣверный конецъ уральской дороги выходитъ на пароходное сообщеніе съ Волгой у Перми.

„Новости“ сообщаютъ, что въ районѣ стенина генералъ-губернаторства, близъ Илійскаго выселка, черезъ рѣку Илц, несмотря на значительную ширину рѣки въ данномъ мѣстѣ, въ непродолжительное время будетъ сооруженъ постоянный мостъ.

По свѣдѣніямъ иркутскаго статистическаго комитета, въ Иркутской губерніи въ м. 1882 году, по спискамъ къ 1 ч. января 1883 г. въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ было учащихся: въ Иркутскѣ, въ 30 учеб. заведеніяхъ—1,865 м. п., 1,001 ж. п.—2,866 об. п.; въ окружныхъ городахъ—236 м., 105 ж.—341 об. п.; въ округахъ губерніи, въ 55 сельскихъ народныхъ школахъ—1,149 мальч. и 354 дѣвочки, всего 1,503 об. п. Итого въ губерніи учащихся, не считая церковныхъ школъ (о которыхъ свѣдѣній положительныхъ нѣтъ), въ 95 учеб. заведеніяхъ—3,250 м. п. и 1,460 ж. п., всего 4,710 об. пола.

Больше противъ 1880 г. на 905 ч. об. п.

„ „ 1881 „ „ 494 „ „ „

Появился отчетъ томскаго общества вспомошествованія учащимся за 1882 г., изъ котораго мы дѣлаемъ слѣдующія извлеченія. Несмотря на то, что это общество состоитъ всего изъ 10 почетныхъ членовъ и 48 дѣйствительныхъ, дѣятельность его должна быть отнесена къ разряду весьма и весьма отраднхъ явленій, не часто у насъ встрѣчающихся. Изъ отчета видно, что въ распоряженіи совѣта общества въ 1882 г. состояло основнаго капитала 4,188 р., оборотнаго—4,783 р. и капитала Якиманскаго—122 р., всего—9,093 р. Изъ этой суммы въ теченіи отчетнаго года израсходовано на выдачу пособій 49 лицамъ 2,796, на

канцелярскіе и почтовые расходы—24 р., и такимъ образомъ къ 1 января 1883 г. остается въ наличности основнаго капитала 4,188 р., оборотнаго—1,963 р. и капитала Якиманскаго—122 руб., а всего—6,273 р. За все же время существованія общества, съ 28 октября 1873 г., въ распоряженіи совѣта было 26,467 р., и изъ нихъ большая часть (10,798 р.) поступила отъ сборовъ съ концертовъ, спектаклей, маскарадовъ и публичныхъ чтеній; на выдачу пособій 238 учащимся израсходовано за все время 16,267 р.

Насъ извѣщаютъ, что слѣдствіе въ Омскомъ госпиталѣ привело въроизно, къ подтвержденію многихъ заявленныхъ ранее безпорядковъ, сообщенныхъ у насъ и въ газетѣ «Врачъ». Мы имѣли гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ напечатали. Усыпка казенныхъ денегъ была несомнѣнная и леченіе велось плохо. Нѣкоторые медики, назначенные для ревизіи, говорятъ, спасовали,—оно и понятно: ну, что, если начальникъ госпиталя оправдается, а производившій дознаніе экспертизъ останется ему подчиненнымъ? То ли дѣло принципъ: «наша изба съ краю!» Слѣдователи по гражданской и военной части были избраны лучше. Нынѣ, какъ передаютъ намъ, г. Дидрихсъ, начальникъ госпиталя, отстраненъ отъ должности, а также и эконкомъ госпиталя, г. Харглингъ. Исправляющимъ должность управляющаго госпиталемъ назначенъ д-ръ Бѣлавинъ, вмѣсто же г. Харглинга—маіоръ Денисовъ. Нельзя не порадоваться и этимъ успѣхамъ слѣдствія. Будемъ ждать окончанія дѣла и сообщеній о томъ, что открылось. Любопытно знать, будутъ ли оправданы только пострадавшіе за правду?

Въ Иркутскѣ, статистическій комитетъ предполагаетъ произвести однодневную перепись. Съ этою цѣлью онъ обратился къ городской управѣ съ запросомъ, не пожелаетъ ли она присовокупить нужные ей вопросы. Санитарная коммисія въ Иркутскѣ, какъ пишутъ въ газету „Сибирь“, пожелала уже присоединить свою программу.

Въ Иркутской гимназіи окончилъ нынѣ курсъ 11 человекъ, изъ которыхъ 4 удостоены золотыхъ медалей. Въ мѣстной женской гимназіи выпущено 25 окончившихъ курсъ.

Таинственный пакетъ. Намъ рассказывали, что въ одномъ изъ городовъ Восточной Сибири отдавъ былъ нѣкимъ патріархальнымъ заправителемъ приказъ — доставлять ему что-то изъ губернской почтовой конторы немедленно по полученіи, въ особомъ пакетѣ. Надежнѣшій полицейскій чиновникъ, пославшійся за пакетомъ и снабженный строгимъ наказомъ не любопытствовать, долго послы пакеты, не внядая во искушеніе, но, наконецъ, не вытерпѣлъ... И чтоже оказалось столь ревниво оберегаемымъ подл таинственной складкой глухого конверта?—номеръ „Восточнаго Обозрѣнія“! Подозрительный и осторожный сибирскій халифъ думалъ скрыть отъ очей правотѣрныхъ, что о немъ писалось, повидимому не подозрѣвая, что газета получается и въ другихъ экземплярахъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Сырь-Дарьинской области (корресп. „Вост. Обозр.“). Отъ Ташкента до г. Вѣрнаго, на протяженіи до 800 верстъ, расположено три уѣздныхъ города, въ которыхъ не всегда баваетъ возможно достать самаго необходимаго лекарства, и не дай Богъ никому изъ проѣзжающихъ заболѣть: приходится вѣлать до областного города ѣхать безъ медицинскаго пособія. Между тѣмъ, въ полупути уѣздныхъ городахъ имѣются: полу-госпиталь, лазаретъ и два пріемныхъ покоя, имѣются также уѣздные врачи и фельдшера, даже аптеки. Но въ нихъ лучше не заглядывать: они не имѣютъ самаго необходимаго, напримѣръ, въ родѣ гофманскихъ капель и проч.; прибавимъ еще, что и не всегда встрѣтишь здѣсь должное сочувствіе

со стороны врачей. Подобный случай имѣлъ мѣсто на-дняхъ, 10-го іюня. Почтосодержатель въ упраздненномъ укрѣпленіи Мерке, г. К—а, телеграфировалъ аулиеатинскому воинскому начальнику, что на его станцію прибылъ артиллерій штабс-капитанъ Л—въ, который сильно занемогъ—у него бредъ и кровотечение изъ носа и ушей, и просилъ оказать пособіе за неимѣніемъ тамъ медицинскаго персонала. Мерке отстоитъ въ разстояніи 155 верстъ отъ Аулиеата и находится въ районѣ аулиеатинскаго уѣзда. Сейчас же по полученіи этой телеграммы былъ командированъ фельдшеръ Г—ръ, которому предписано было, въ случаѣ, если онъ найдетъ больного въ серьезномъ положеніи, немедленно привезти его въ Аулиеата. На другой день, фельдшеръ Г—ръ былъ уже у больного и первоначально приписалъ болѣзнь удару отъ солнечныхъ лучей, такъ-какъ больной жаловался на сильную головную боль и лихорадочное состояніе; но на слѣдующій день у него явились признаки брюшного тифа. Обо всемъ этомъ фельдшеръ телеграфировалъ воинскому начальнику и просилъ указаній, какъ поступить съ больнымъ: вести ли его въ Аулиеата, или же въ Пишпекъ, до котораго было ближе и гдѣ имѣются уѣздный врачъ и пріемный покой, куда, впрочемъ, и самъ больной пожелалъ быть отвезеннымъ. Съ разрѣшенія врача, штабс-капитанъ Л—въ былъ отправленъ далѣе 12-го іюня, а 13-го, около 8-ми часовъ утра, уже доставленъ на мѣсто. Но вотъ въ этомъ-то повозообразномъ градѣ и начинается цѣлая исторія съ привезеннымъ больнымъ, характеризующая ясно степные порядки. Уѣздный врачъ П—ій остался недоволенъ привозомъ къ нему больного и рѣшительно отказался не только принять его въ мѣстный пріемный покой, но даже не потрудился его осмотрѣть и оказать ему пособіе. Тогда фельдшеръ Г—ръ прибѣгъ къ хитрости: онъ выхлопоталъ себѣ обратный подорожный бланкъ въ Аулиеата изъ уѣзднаго правленія. Но и это удалось ему съ грѣхомъ пополамъ, потому что и тутъ, при безначаліи, —ибо уѣздный начальникъ былъ въ отсутствіи,—никто изъ чиновъ правленія не рѣшился принять больного, несмотря на то, что бывший тамъ же на лицо поручикъ В—въ, одноклассникъ его по воспитанію въ корпусѣ, не постарался оказать своего товарищескаго содѣйствія къ безвыходному положенію страждущаго. По заявленію Г—ра, кто-то изъ административныхъ особъ града Пишпека даже позволилъ себѣ презрительно отнестись къ аулиеатинскому воинскому начальнику—за то только, что онъ оказалъ сочувствіе къ больному и сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ его въ Пишпекъ. Между тѣмъ, больному Л—ну ежечасно становилось все хуже и хуже, а къ вечеру онъ впалъ въ безпамятство. Фельдшеръ Г—ръ, такимъ образомъ, цѣлый день не зналъ, какъ отдѣлаться отъ больного и что съ нимъ дѣлать, и только благодаря случаю кое-какъ сдалъ его. Случай же этотъ былъ таковъ: послѣ обѣда, въ Пишпекъ пріѣхалъ губернской воинскій начальникъ и, увидѣвъ больного на станціи, распорядился положить его въ пріемный покой; но это распоряженіе, вѣроятно, не было бы исполнено, еслибъ не принялъ на себя ходатайство одинъ изъ ксендзовъ, командированныхъ для совершенія духовныхъ требъ въ здѣшнемъ краѣ, и не уговорилъ бы врача П—го принять больного, такъ-какъ послѣ оказалось, что ксендзъ этотъ зналъ и его, и всѣхъ его родственниковъ въ Омскѣ. Благодаря подобной протекціи, штабс-капитанъ Л—въ, около 9-ти часовъ вечера, былъ, наконецъ, принятъ въ пріемный покой. Что станется съ бѣднымъ офицеромъ и влечется ли онъ при такомъ внимательномъ уходѣ *)? Теперь поневолѣ задумаешься вопросомъ: если

только уѣздные врачи въ нашихъ степныхъ городахъ такъ небрежно относятся къ лицамъ изъ привилегированнаго сословія, то каково же должно быть санитарное положеніе кочевниковъ уѣзда, которые, вѣроятно, не знаютъ своего врача и ничѣмъ; понятно, не пользуются? А между тѣмъ, въ массѣ этого народа свирѣствуетъ множество болѣзней, которыя, не будучи предупреждены своевременно, могутъ принять эндемическій характеръ. Послѣ всего этого охотно вѣрнѣе расскажем очевидцевъ, какъ, напр., капитану С—ву, прослѣдовавшему съ артиллерійскимъ транспортомъ по прямому пути черезъ Акиоллы на Туркестанъ и видѣвшему, какъ киргизы умирали, на подобіе мухъ, отъ оспы и проч. болѣзней, при совершенномъ бездѣйствіи и невниманіи къ нимъ уѣздныхъ врачей.

Иркутскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Насъ чрезвычайно тяготитъ монополія торговли мясомъ. Эта монополія укоренилась здѣсь съ давняго времени. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, губернскаго начальство, подражая о извѣстныхъ лицъ, поставилъ мясо для города, съ тѣмъ, чтобы никто другой не имѣлъ этого права. Такимъ образомъ, мясная торговля была забрана въ одні руки. Впослѣдствіи эта монополія тщательнo поддерживалась разными способами — между прочимъ, запрещеніемъ торговать мясомъ гдѣ нибудь, кромѣ думскихъ мясныхъ рядовъ. Когда, вначалѣ пятидесятихъ годовъ, кто-то вздумалъ построить мясныя лавки противъ нынѣшняго хлѣбнаго базара, то мясники подняли страшный гвалтъ. Дѣло доходило до главнаго управленія, и уже оно разъярило, что устройство частныхъ мясныхъ рядовъ не запрещено никакимъ закономъ. Съ того времени, мясная монополія начала ослабѣвать, но она сохранилась, хотя и не въ прежнемъ видѣ, до настоящаго времени. Она долго поддерживалась таксами, которыя составлялись городской думой, а потомъ управой, по соглашенію съ тѣми же мясниками,—то есть, цѣны угодно было назначать мясникамъ, а мѣстное начальство волей-неволей утверждало ихъ. Таксы были отменены въ 1879 году. Но и съ того времени мясная торговля не получила большаго развитія и находится въ рукахъ тѣхъ же лицъ. Причины этому заключаются, между прочимъ, въ экономическомъ положеніи Иркутской губерніи вообще и г. Иркутска въ частности. Пожаръ 1879 г. перевернулъ вверхъ-дномъ всѣ экономическія отношенія Иркутска. Нужно было прежде всего позаботиться возстановить эти отношенія; тутъ ужъ было не до новыхъ предпріятій. Скотоводство Иркутской губерніи вообще незначительно; главные массы скота для продовольствія города доставляются изъ Монголіи, иногда, но не каждый годъ, пригоняется скотъ изъ Байкалскаго округа, опять-таки черезъ Монголію; наконецъ, зимой, когда Байкалъ кроется льдомъ, привозится мясо изъ Забайкалья. Прежде, до развитія золотопромышленности въ енисейской тайгѣ, т. е. до начала сороковыхъ годовъ, сюда пригонялся скотъ изъ Минусинскаго (кажется, и изъ Канскаго) округовъ; пригонъ его прекратился, когда потребовалось мясо для енисейскихъ приисковъ; теперь енисейская золотопромышленность унала, а скотъ изъ Минусинска въ Иркутскъ все-таки не пригоняется. Понятно, что всѣ указанное здѣсь способы снабженія города мясомъ требуютъ довольно значительнаго капитала. Это одна изъ причинъ, почему въ мясной торговлѣ не видно новыхъ предпринимателей. Далѣе, мясо осенней бойки можетъ хорошо сохраняться только въ думскихъ погребахъ, — а они всѣ въ рукахъ мѣстныхъ монополистовъ. Торговцы, привозящіе мясо и пригоняющіе скотъ изъ Забайкалья или изъ Байска, подвергаются притѣсненіямъ мѣстныхъ торговцевъ и иногда бываютъ принуждены сбывать свои гурты имъ же за безцѣнокъ. Было бы гораздо полезнѣе какъ для этихъ торговцевъ, такъ и для города, еслибъ они открыли здѣсь свою мелочную торговлю мясомъ;

*) Передъ отправленіемъ настоящей корреспонденціи получено свѣдѣніе, что штабс-капитанъ Л—въ, на второй или третій день, умеръ въ Пишпекѣ.

но они почему то на это не рѣшаются. Вѣроятно, тутъ имѣть мѣсто опасеніе соперничества со стороны мѣстныхъ торговцевъ, а также и тотъ недостатокъ погребовъ, о которомъ мы говорили выше. Въ нынѣшнемъ году недостатокъ мяса особенно значителенъ. Мяса осенней бойки почему-то достало только до Пасхи; теперь его въ продажѣ очень мало. Нужно свѣжее мясо, а для него необходимъ скотъ. Мясникъ развѣзжаютъ по окрестнымъ деревнямъ и скупаютъ скотъ у крестьянъ, ослабляя и безъ того небогатае ихъ скотоводство. Скота изъ Монголіи можно ждать развѣ въ концѣ іюля. Впрочемъ, не смотря на такое невыгодное положеніе, цѣна на мясо пока все еще не очень высока: свѣжее—по 13 к. фунтъ. Это доказательство, что монополія все-таки ослабѣваетъ. Въ прежніе годы, при такихъ обстоятельствахъ, цѣна на свѣжее мясо поднималась бы до 20 коп. Еслибъ возобновилось снабженіе Иркутска мясомъ изъ Енисейской губерніи, то затрудненія въ продовольствіи имъ значительно бы уменьшились.

Чита (корресп. „Вост. Обозр.“). Гимназія въ г. Читѣ проактируется уже болѣе десятка лѣтъ; еще бывшій губернаторъ Дитмаръ собралъ на нее пожертвованій тысячь до 80-ти; главные жертвователи были буряты и тунгусы; было построено зданіе и открытъ пансіонъ, который просуществовалъ нѣсколько лѣтъ и почему-то закрылся. Въ зданіи же пансіона помѣстили казармы. Куда потребили весь капиталъ—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, для публички. Всѣ же зданія едва ли стоятъ и восьмую часть всѣхъ пожертвованій. Со времени закрытія пансіона прошло 10 лѣтъ, и мы опять начинаемъ надѣяться на открытіе гимназіи въ Читѣ. Въ послѣднее время, однако, собранъ капиталъ уже гораздо значительнѣе прежняго—въ 182,000 руб. Можно надѣяться, что мечты байкальцевъ осуществятся, и мы не будемъ возить дѣтей въ Иркутскъ, за тысячу верстъ. Кто же жертвуетъ?—капиталисты ли, т. е. купцы и золотопромышленники, или интеллигенція, которые будутъ имѣть право и возможность обучать своихъ дѣтей въ гимназіи? Нѣтъ, жертвователями, и самыми крупными, являются дикари (буряты и тунгусы) и казаки, безъ того уже обремененные недоимками и податями, такъ-что каждая копейка будетъ стоить имъ не одной капли пота. Спрашивается: будутъ ли они имѣть право обучать своихъ дѣтей безплатно, которымъ пользуются въ гимназіяхъ дѣти привилегированныхъ сословій? Жертвовали также и купцы въ числѣ четырехъ человекъ. Стыдно было бы купечеству скупиться на такое дѣло! Нерчинскій купецъ Лентонъ пожертвовалъ на гимназію 15 руб., чятинскій купецъ Потѣха—25 руб., а казакъ (буряты) Лумбуновъ—дикарь, какъ мы смотримъ на бурятовъ,—пожертвовалъ на дѣло просвѣщенія 500 руб. Смотришь, и не хочется вѣрить, что мы такъ слѣпы относительно блага себѣ и другимъ. А наши золотопромышленники? Вотъ ужъ кому бы не грѣхъ-то было пожертвовать! Между тѣмъ, изъ нихъ откликнулся только одинъ Сабашниковъ, и то какими-то убогими тремя стами руб., да довѣренный Вѣлоголоваго—150 руб. А въ карты проиграть 5,000 ничего не стоитъ! Что же вызываетъ на такія огромныя пожертвованія бурятовъ и казаковъ? Очень просто: приказано тайшамъ собрать по 2 руб. съ души, — вотъ и явились добровольныя пожертвованія. Наши буряты и тунгусы, между тѣмъ, въ толкъ не возьмутъ, отчего подать больше стала. Казаки хотя также составляли подлиски, но подписывали со своей волѣ, кому сколько заблагоразсудится, отъ того у нихъ и пожертвованія меньше. Купцамъ же и золотопромышленникамъ не было обязательства и приказанія, ихъ можно было только просить, за то и получался отвѣтъ: „эвто глупости, а поиграть, выиграть—наше дѣло“.

Барнаулъ (корреспонденція „Восточн. Обозр.“) Будемъ продолжать наши вопросы барнаульской думѣ.—Правда-ли, что предполагается продать также, но съ мѣстомъ, старый домъ городского управленія, противъ аптеки, приобрести который давно выжидаютъ нѣкоторые молотящіе „рожь на обухѣ“? Отчего бы не купить городу съ аукціона заимку несостоятельнаго купца Конохова, которая продана всего за 350 рублей одному чиновнику, у котораго теперь оттягиваетъ эту заимку та же семья головъ? Приобрѣтеніе этой заимки городу важно въ томъ отношеніи, что она представляетъ единственное удобное мѣсто для приставки парходовъ и перегрузки перевозимыхъ на нихъ товаровъ, и могла бы, конечно, при желаніи представителей городского управленія, составить выгодную городскую оброчную статью. До сихъ поръ жалуются на ничтожность городскихъ доходовъ, но объ изысканіи ихъ никто не думалъ заботиться, а всѣ нужды удовлетворялись и удовлетворяются посредствомъ обложения, и на счетъ незначительнаго запаснаго капитала, грошами скопленнаго въ старыя времена и переданнаго новому городскому управленію въ наслѣдство. Мы слышали, что лицо, купившее съ аукціа помянутую заимку, готово уступить ее городу за ту же цѣну, какую заплатило на аукціонѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы, подобно флягелю и др. строеніямъ при богадѣльнѣ, заимка эта не была продана городомъ, хотя бы даже претендовали на приобрѣтеніе ея родственники и присные годовы.—Не пора ли устроить въ городѣ какой-нибудь домишко съ ледникомъ, гдѣ бы хранились мертвыя тѣла, подобранныя въ окрестностяхъ города, и гдѣ бы можно было съ нѣкоторымъ удобствомъ производить вскрытіе ихъ? Въ каждой деревнѣ есть обязательно ледники для хранения мертвыхъ тѣлъ; здѣсь же ничего подобнаго не было, и какимъ образомъ въ потребныхъ случаяхъ обходились до сихъ поръ, непонятно.—Не дурно было бы принять мѣры къ тому, чтобы ночные караулы были не фиктивны, а дѣйствительны, чтобы обыватели, съ своей стороны несущіе по этой статьѣ расходъ, были гарантированы отъ огульнаго осмѣиванія домоовъ ихъ, чему подвергались въ продолженіи всей недѣли Пасхи.—Что остановило докладъ думѣ заявленія одного изъ обывателей объ учрежденіи въ Барнаулѣ, въ помощь городскому управленію, общества попеченія о начальномъ образованіи *), подобно существующему въ Томскѣ, быть членами котораго изъявили желаніе болѣе 60 лицъ по первому приглашенію? Или предметъ этотъ менѣе интересенъ, чѣмъ преслѣдованіе корреспондентовъ? Удобно ли въ санитарномъ отношеніи устройство городскихъ головою самотопеннаго завода въ полуверстѣ отъ города, вверхъ по теченію р. Барнаулки, вода которой и такъ обладаетъ весьма свойствами для развитія и поддержанія инфекціонныхъ болѣзней, какъ запущенная заводскою плотиною, и было ли испрошено на устройство этого завода разрѣшеніе губернскаго начальства, такъ какъ, по мнѣнію нашему, на основ. 115 ст. гор. полож. разрѣшеніе устройства подобныхъ заводовъ превышаетъ власть городского управленія? Пока будетъ и этихъ вопросовъ, на которые ожидаемъ отвѣта отъ представителей барнаульской городской управы, которымъ рѣшается посоветовать,—не подчинять городскихъ интересовъ своимъ личнымъ выгодамъ, къ тому же въ такихъ не тонкихъ, прозрачныхъ формахъ.

Устькаменогорскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Городокъ нашъ съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ. Росту его въ послѣднее время способствуетъ выселеніе сюда „россейскихъ“ и „холовъ“. Нужно отдать справедливость тѣмъ и другимъ въ томъ отношеніи,

*) 26 апрѣли было назначено засѣданіе думы, между прочимъ, и для разсмотрѣнія этого заявленія, но за неприбытіемъ должнаго числа гласныхъ—засѣданіе не состоялось.

что они дали толчекъ здѣшнему пригородному земледѣлю, развели здѣсь „бахчи“, дѣлаютъ опыты выращиванія нѣкоторыхъ породъ фруктовыхъ деревьевъ, положили основаніе различнымъ кустарнымъ промысламъ, производству подсолнечнаго масла и проч. Россіане селятся главнымъ образомъ въ сѣверной части города. Вышли они изъ губерній Балужской, Рязанской, Курской, Воронежской и Астраханской; „хохлы“ же—выходцы изъ южныхъ губерній Россіи, изъ Малороссіи; они поселились за р. Ульбой, образовавъ тамъ довольно большую колонію, дворовъ въ 130. Главной причиною выселенія въ здѣшнія мѣста какъ „хохловъ“, такъ равно и россіянъ было малоземелье и истощеніе почвы на ихъ прежней родинѣ. Единственная улица („хохлацка“) деревушки, протанувшая чуть не на версту, въ лѣтнее праздничное время кинитъ народомъ разнаго пола и возраста, — это „хохлы“ гуляющіе съ своими раздраженными „хлопцами и дичатами“, забавляющимися щелканьемъ „подсолнуховъ“... Обиліе дѣтей въ этой деревушкѣ доказываетъ, что малороссы и сюда перенесли свойственную имъ способность къ плодородію. Волѣ широкому развитію пригороднаго хлѣбопашества мѣшаетъ исключительно то, что всѣ почти прилегающія къ городу земли составляютъ собственность казаковъ Устькаменогорской станицы, у которыхъ малороссы и запинаящіеся хлѣбопашествомъ горожане арендуютъ ее иногда на самыхъ тягостныхъ условіяхъ; остальные близъ-лежащія земли принадлежатъ горному вѣдомству, а последнее, не имѣя на этихъ земляхъ никакого операцій, почему-то удерживаетъ ихъ за собою, упорно отстаивая свои землевладѣльческія права. Намъ крайне удивляетъ то обстоятельство, что въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ города, городская дума не можетъ распорядиться землею, ибо она—горная,—и одному горожанину, чтобы выжечь по близости города известку, пришлось на это дѣло просить разрѣшенія отъ алтайскаго горнаго правленія. Горное правленіе настолько урѣзало пригородныя поземельныя угоды, что горожанамъ положительно некуда повернуться; на какой клочекъ земли не взглянешь—все это земля горная и горная.. Скоро ли придетъ конецъ этимъ порядкамъ, угнетающимъ развитіе здѣшняго земледѣлія? Чтобы составить понятіе объ этомъ гнетѣ со стороны горной клики, достаточно прослѣдить исторію пригородной деревни Согры, расположенной на правой сторонѣ р. Ульбы, въ десятиверстномъ разстояніи отъ города. Вы не можете представить, сколько привелось испытать крестьянамъ этой деревни невзгодъ и неприятностей съ горнымъ вѣдомствомъ, изъ-за земли, съ того времени, какъ они выселились сюда...

Изъ Минусинскаго округа (корресп. „Вост. Обозр.“). Едва ли гдѣ нибудь еще въ Сибири такъ развито конокрадство, какъ въ Минусинскомъ округѣ, въ особенности въ южной части его. Развитію этого народнаго бича способствуютъ съ одной стороны посредники для сбыта краденаго, своего рода кушцы, а съ другой—бездѣйствіе или потворство полицейской власти и недостатки нашего устарѣлаго суда,—суда, которому давно бы слѣдовало капнуть въ Лету съ его допотопной терминологіей: „оставить въ сильномъ подозрѣніи“, или просто „оставить въ подозрѣніи“, „оставить отъ суда свободнымъ“ и „считать къ дѣлу неприкосновеннымъ“...

Въ Шушинской волости устроены правильныя конокрадскія станицы, а въ селѣ Дубенскомъ этой волости спокойно живутъ нѣсколько лѣтъ конокрадскій князь, (онъ же, по выраженію мѣстныхъ жителей, „лошадный богъ“), селыно-поселенецъ Лаврентій Михайловичъ Перевозниковъ. Украдутъ изъ двора или угонятъ съ подножнаго корма у бѣднаго крестьянина лошадей,—идетъ онъ къ князю и бьетъ челомъ: „помоги, родимый,—последнихъ савраску и бурку украли!“ „Ладно, отвѣчаетъ князь, неси двадцать рублей; кони

твои здѣсь“. Или говорить: „нѣтъ въ моемъ вѣдомствѣ твоихъ лошадей; поѣзжай въ Каптерово, тамъ спроси у Тришкина, или у Губанова“. Идетъ крестьянинъ въ Каптерово, кланяется Тришкину. „Были, говорить Тришкинъ, твои лошади, да опоздалъ ты, ушли въ татары; теперь не разыщемъ“. Волѣ счастливые находятъ своихъ лошадей и выкупаютъ, но жаловаться не смѣютъ, потому что конокрады истаютъ за это, а обличить ихъ, какъ ловкихъ мошенниковъ, трудно; они смѣютъ оправдаться. Перевозниковъ, однажды, взявъ съ крестьянина выкупъ, отправился на село, за лошадьми. Крестьянинъ тѣмъ временемъ заявилъ старшинѣ. Устроили засаду. Перевозниковъ попался, но оправдался: „иду я, говорить, съ пашни, смотрю—ходятъ чьи-то кони; знаю, что не наши деревенскіе. Украдетъ еще кто-нибудь, думаю; взялъ да и поймалъ ихъ и повелъ къ старшинѣ заявить, по меня не допустили и до села...“ Тришкинъ разъ ночью укралъ рыжаго коня. За нимъ гнались слѣдомъ, онъ вѣхалъ на конѣ во дворъ своего дома и заперъ ворота. Крестьяне поставили караулъ и заявили старшинѣ. Пришелъ старшина съ понятными, обыскалъ весь дворъ—нѣтъ рыжаго коня, точно сквозь землю провалился! Когда потерѣвшій уходилъ ни съ чѣмъ изъ двора Тришкина, послѣдній остановилъ его и сказалъ: „дуракъ, чѣмъ жаловаться—добромъ-бы попросилъ. Неси десять рублей и полштофа вина—отдамъ рыжку. Да смотри, чтобы никого не было близко, а то и не увидишь коня“. Крестьянинъ принесъ деньги и вино. Тришкинъ повелъ его въ тотъ же дворъ, гдѣ былъ часъ тому назадъ обыскъ, и, указывая на сиваго коня, сказалъ: „возьми сѣно, оботри жуку—это твой рыжокъ“. Губановъ самъ хвалился, какъ онъ, однажды, возвращаясь отъ татаръ, захватилъ по-пути съ подножнаго корма четырехъ быковъ и погналъ ихъ домой. Дорогой настигъ его татаринъ.—Куды, говорить, гонишь? Это мои быки.—„Эко, парень, вѣдь-ей-богу не зналъ, что твой, а то бы не тронулъ. А сколько мучился-то съ ними! Ты ужъ уступи мнѣ за труды хоть одного маленькаго...“ Татаринъ уступилъ! Тотъ же Губановъ, когда обокралъ въ с. Каптеревскомъ до чиста лавку купца Варанова, надѣвалъ каждый праздникъ новые кунгурскіе сапоги и расхаживалъ въ нихъ, глумясь надъ Варановымъ. Такіе ловкіе воры, какъ Перевозниковъ, Тришкинъ и Губановъ, разумѣется, смѣютъ повести дѣло и съ засѣдателемъ. Рассказываютъ про одного засѣдателя, какъ онъ поступалъ съ конокрадами. Попался конокрадъ—засѣдатель садитъ его въ тюрьму, затѣмъ требуетъ къ допросу. Послѣ допрашиваетъ за освобожденіе изъ тюрьмы двадцать-пять рублей.—„Ей богу, больше пятнадцати нѣтъ“, увѣряетъ конокрадъ.—„Ну, хорошо, давай и пятнадцать; остальные принеси черезъ недѣлю“. Конокрадъ идетъ „ლობывать“ деньги.. Случалось, что не успѣетъ къ сроку уплатить—засѣдатель снова садитъ его въ тюрьму. Такъ другихъ онъ садилъ и выпускалъ по три раза въ теченіи одного мѣсяца. Теперь, положимъ, засѣдатель произведетъ слѣдствіе о конокрадѣ и представитъ дѣло въ судъ. Судъ разсматриваетъ дѣло, наприѣмъ, о Перевозниковѣ, и хотя приведенное выше объясненіе его о пріобрѣтеніи краденыхъ лошадей и смахиваетъ на анекдотъ о цыганѣ, который говорилъ, что чужой конь попалъ подъ него печально въ то время, когда онъ перескакивалъ черезъ канаву,—но судъ, по недостатку уликъ, оставляетъ Перевозникова только „въ подозрѣніи“, а между тѣмъ, этотъ Перевозниковъ фигурируетъ чуть ли не въ каждомъ дѣлѣ о покражѣ лошадей.

Пробовали крестьяне избавиться отъ конокрадовъ добромъ, составляли отъ нѣсколькихъ обществъ приговоры о переселеніи конокрадовъ и представляли ихъ по начальству. Начальство отвѣтило, что по закону нельзя переселять порочныхъ людей, если не было принимаемо обществомъ исправительныхъ мѣръ противъ нихъ. А

какія исправительныя мѣры примешь противъ конокрада? Арестовать его и высѣчь при волостномъ правленіи—опасно: мѣстить будетъ; украдетъ или убьетъ лошадей. Такъ и сдѣлали конокрады съ ходо-таемъ отъ обществъ, крестьяниномъ с. Каптерева—Борисовымъ: нельзя было украсть у него лошадей, такъ зарѣзали ихъ и раззорили бѣдняка въ конецъ. При такихъ условіяхъ, крестьяне волей-неволей обращаются къ самосуду. Но и тутъ бѣда: поймають конокрада, вздууть его такъ, что онъ умретъ, и попадутъ сами. Такіе строгіе судьи—жители с. Субботинскаго, убившіе одного изъ каптеревскихъ конокрадовъ, и теперь сидятъ въ минусинскомъ острогѣ.

Нѣтъ спасенія отъ конокрадовъ!—это бичъ Божій для народа, а подъ этимъ бичемъ—слезы и слезы... Я встрѣтилъ одного мужичка, который розыскивалъ лошадей. Онъ плакалъ и причиталъ: „последнихъ животовъ лишили... ребятишки... ступай по-міру!..“ Я видѣлъ слезы груди и тоски, видѣлъ слезы разлуки съ милыми и дорогими сердцу; по горькія слезы отчаянія, слезы человѣка, закаленного во борьбѣ съ горемъ и нуждой, встрѣтилъ въ первый разъ, да не дай Богъ больше и встрѣчать ихъ!

Вотъ гдѣ мѣстная высшая власть могла-бы отереть слезы народу, могла-бы оказать неоцѣненную услугу! Начальникамъ губерній предоставлено право переселять ссыльно-поселенцевъ изъ одного округа въ другой ихъ попеченію губерніи—въ другой. Что бы стоило послать такихъ господъ, какъ Перевозниковъ, Тришкинъ и Губановъ, на жительство въ Туруханскій край! Можетъ быть, они тамъ и исправились бы, тѣмъ болѣе, что въ Туруханскомъ краѣ ѣздить не на лошадяхъ, а на собакахъ, которые, по крайней мѣрѣ, могутъ кусать воровъ.

Владивостокъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Сборка доставленной въ нашъ портъ въ прошломъ году изъ Англии части желѣзнаго пловучаго дока быстро приближается къ концу, благодаря умѣлымъ рукамъ мастеровыхъ и руководителей работъ, собственно для этого дѣла прибывшихъ изъ Кронштадта. Говорятъ, что въ половинѣ лѣта докъ будетъ спущенъ на воду. Это миллионное сооруженіе—важное приобрѣтеніе для здѣшняго порта и для эскадры нашей, плавающей въ водахъ Тихаго океана. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, государственная казна такъ много переплатила денегъ въ докахъ Японіи и Китаю за ввездъ въ нихъ нашихъ судовъ для осмотра, окраски подводныхъ частей и мелкнхъ исправленій, что давно бы можно было построить свой собственный докъ, который нѣсколько разъ уже окупился бы до сего времени. Предпринятая постройка пловучаго дока возбуждаетъ однако серьезный вопросъ: можно-ли будетъ успѣшно справиться съ нимъ въ нашей бухтѣ, гдѣ, при господствующихъ сильныхъ вѣтрахъ, и обыкновеннымъ судамъ приходится иной разъ отстаиваться на двухъ якоряхъ и подъ парами? Парусность массивнаго дока будетъ громадная, а потому не случится-ли такой казусъ, что въ одинъ прекрасный день докъ вылетитъ на мель? Опасность съ этой стороны увеличивается еще тѣмъ, что по последнему промѣру бухты, въ той мѣстности, гдѣ предполагается постановка дока, получены глубины не совсѣмъ надежныя. Не знаю, какія основанія привели къ рѣшенію поставить въ Владивостокѣ пловучій докъ, и достаточно ли серьезно передъ этимъ рѣшеніемъ разобраны и соображены мѣстныя условія; но на взглядъ человѣка, даже поверхностно знакомаго съ здѣшней мѣстностью, кажется несомнѣннымъ, что для Владивостока сдѣловало бы устроить сухой докъ, для котораго сама природа какъ бы позаботилась подготовить очень удобную мѣстность, до чрезвычайности облегчающую эту работу: въ мѣстности новаго порта есть два оврага, устья которыхъ подходятъ къ самому берегу бухты, въ этомъ мѣстѣ настолько приглубой, что большія суда почти

вплоть къ берегу становятся безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій. Углубить эти овраги и часть бухты, и устроить плузы—дѣло сравнительно не трудное и не требующее многомиллионныхъ затратъ, въ особенности, еслибъ земляныя работы были выполнены даровымъ трудомъ ссыльно-каторжныхъ съ о-ва Сахалина, гдѣ руки ихъ, по правдѣ сказать, болѣею частью бездѣйствуютъ; откомандированіе двухъ-трехъ сотенъ людей года на три во Владивостокъ на работы нисколько бы не повредило затѣваемымъ на Сахалинѣ земледѣльческимъ колоніямъ, которыя, кстати сказать, не имѣють, по моему мнѣнію, никакой будущности, какъ затѣя, измышленная людьми мало знакомыми съ мѣстными условіями. Но извѣстно, что русскій человѣкъ крѣпко заднимъ умомъ, къ тому же мы давно страдаемъ отсутствіемъ настоящихъ хозяйскихъ рукъ и глазъ.

Хотѣлось бы сообщить кой-что о нашей торговлѣ, нашихъ городскихъ дѣлахъ, кой-что по поводу начавшагося переселенія въ Южно-Уссурийскій край и вообще о ходѣ дѣлъ на нашей отдаленной окраинѣ, но боюсь, что письмо мое выйдеть слишкомъ длинно, а потому все прочее откладываю до слѣдующаго раза.

СИБИРСКІЙ УВЪЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

(Этнографическій этюдъ).

По улицамъ идутъ и ѣдутъ. Движеніе безпрестанное, почти непрерывное, хотя и маленькое. То и дѣло раздается колокольчикъ или скрипитъ обозъ телѣгъ съ кладью. Въ одномъ мѣстѣ дрихлый домъ разрушается, а въ другомъ строится новый, не то воздвигается новая лавка. На площади, на улицахъ, по базару—вездѣ видны бревна, кирпичи, известка. Таковъ вообще сибирскій городъ съ перваго взгляда, при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Когда въѣзжаешь въ него, то совсѣмъ не кажется, что попалъ въ тихое, спокойное болото, или въ гробъ.

Это общая черта всѣхъ увѣздныхъ, или, по здѣшней терминологіи—„окружныхъ“ городовъ въ Западной Сибири. Есть здѣсь города, похожіе по вишнему виду и по количеству жителей на большія села; есть такіе, которые не больше средней деревни, а случаются и такіе, наконецъ, которые въ извѣстное время года не имѣють совсѣмъ жителей,—единственными обитателями тогда остаются люди, обязанные наблюдать за порядкомъ. Таковы эти Сургуты, Обдорски и Березовы; таковы всѣ эти Тюкалински и Ялуторовски. Въ первыхъ жителей иногда вовсе не бываетъ, во вторыхъ—такъ мало, что изъ села они только по необходимости возведены въ рангъ городовъ. Но какъ бы ни былъ малъ сибирскій городокъ, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ и жалокъ, онъ всегда оживленъ, дѣятеленъ, веселъ—фактъ, рѣшительно невозможный въ большинствѣ русскихъ городковъ, находящихся на Европейской сторонѣ Урала. Что такое тамъ увѣздный городъ—это всякому извѣстно. Это всегда мертвое мѣсто, нѣчто въ родѣ хорошаго кладбища, на которомъ стоятъ памятники, а людей не видать. Обыкновенно въ городѣ есть два-три мѣстныхъ стола, два-три купца, на которыхъ обращены взоры всѣхъ остальныхъ жителей съ гордостью и надеждой. А больше ничего и нѣтъ, какъ только эти два-три купца. Чѣмъ кормятся и какъ вообще живутъ прочіе жители—одному Богу вѣдомо: фабрикъ нѣтъ, заводовъ нѣтъ, торговли

и промышленности никакой. Потому-то мѣщанинъ подобнаго города представляет собою всегда олицетвореніе случайности и непрочности существованія. Оттого же и всѣ виды такого города наминаютъ кладбище, или, по меньшей мѣрѣ, мѣсто усыпленія. Приѣзжаго сейчасъ же одолеваетъ сонъ, а тому, кто обязанъ поселиться здѣсь, непременно придется въ голову желаніе застрѣлиться. Однимъ словомъ, такой уйдный городъ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, не обладаетъ своимъ *raison d'être*, если исключить то обстоятельство, что это центръ административнаго управленія.

Напротивъ, каждый сибирскій городокъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, обладаетъ собственной, ему одному принадлежащей физиономіей, и всегда оживленъ. Это общая черта, Сибирскій городъ не спитъ. По улицамъ его нельзя охотиться за куликами; на стѣнахъ его домовъ не растутъ мохъ и плѣсени; самле дома не погрузились въ землю. Онъ постоянно мѣняется, растетъ и работаетъ. Въ своемъ существованіи онъ имѣетъ значеніе и смыслъ. Въ немъ съ утра до ночи идутъ какаля-то возня, какіе-то хлопоты. Самые отдаленные города крайняго сѣвера въ извѣстный періодъ года оживляются такъ, что ихъ узнать нельзя.

Эта всеобщая, преобладающая черта всецѣло зависитъ отъ естественныхъ условій, въ которыхъ живетъ каждый сибирскій городъ. Кругомъ на сотни верствъ неизмѣримыя степи, непроходимыя лѣса, полныя всякихъ богатствъ. Съ другой стороны, населеніе рѣдкое, обрабатывающая промышленность ничтожная; у сибиряка, что называется, нѣтъ средства мѣны дѣлать. Въ виду этого, городъ занялъ исключительное положеніе. Онъ является какъ складочный пунктъ сырья, котораго Сибири дѣвать некуда, и фабрикатовъ, которыхъ московскимъ промышленникамъ также дѣвать некуда; изъ непроходимыхъ лѣсовъ и неизмѣримыхъ степей онъ беретъ всевозможное сырье для отсылки его за Уралъ, а изъ Москвы беретъ фабрикаты и разсылаетъ ихъ по степямъ и лѣсамъ. (Кстати сказать, московскіе фабричные продукты, идущіе въ Сибирь, изъ рукъ вонъ плохи;—это всегда бракъ негодный. „Сибирь все съѣсть“, говорятъ московскіе фабриканты и нижегородскіе купцы). Дѣятельность эта идетъ непрерывно круглый годъ и занимаетъ всѣ руки и умы сибирскаго города; она огромна и неистощима, какъ огромны и пока еще неистощимыя богатства Сибири съ одной стороны, и негодные отбросы Москвы—съ другой. Крайній сѣверъ не составляетъ исключенія; оттуда идетъ широкой рѣкой звѣрь, птица и рыба, такъ-что обывателю добыча сама лѣзетъ въ руки, и безъ заработка остается лишь тотъ, кому лѣнь протянуть руку.

Другая столь же общая черта заключается въ той способности къ быстрымъ перемѣнамъ, какаля свойственна, кажется, всѣмъ новымъ странамъ и молодымъ цивилизаціямъ; эта черта обращаетъ на себя вниманіе немедленно, лишь только ближе знакомишься съ городомъ. Есть города, въ особенности въ южной полосѣ Западной Сибири, которые двадцать лѣтъ тому назадъ числились только на картахъ, но на самомъ дѣлѣ не существовали; теперь они выросли въ дѣйствительные города, заключающіе въ себѣ больницы, школы, прогимназіи, бібліотеки и пр. Но, съ другой стороны, есть и такіе города, которые, вслѣдъ за уничтоженіемъ искусственныхъ причинъ, поддерживавшихъ ихъ, падаютъ неумолимо

и безостановочно; таковъ, напримѣръ, Омскъ, быстро входящій въ разрядъ второстепенныхъ городовъ послѣ уничтоженія западнаго генераль-губернаторства. Но захудалыхъ городовъ немного, и всѣ они своей захудалостью обязаны административному искусству. Большинство же сибирскихъ городовъ, явившихся на свѣтъ естественнымъ путемъ, тѣмъ же путемъ и развиваются, не въ примѣръ многимъ российскимъ городамъ, возникшимъ, такъ сказать, административно: на голомъ мѣстѣ построены бани, острогъ и полицейское управленіе, а вокругъ уже этихъ учрежденій стали селиться партикулярные обыватели. Достаточно прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ сибирскомъ городѣ, чтобы своими глазами убѣдиться въ стремленіи его расширяться, строиться и перестраиваться. То и дѣло слышишь о возвышеніи или паденіи такихъ-то обывателей. Иногда даже одинъ и тотъ же обыватель быстро возвышается и столь же быстро низвергается, но черезъ нѣкоторое время снова встаетъ на ноги. Вы можете быть увѣрены, что вотъ этотъ каменный двухъ-этажный домъ, принадлежащій А., черезъ годъ будетъ принадлежать В., а еще черезъ годъ онъ перейдетъ въ руки В., который заколотитъ окна нижняго этажа, замажетъ ихъ и сдѣлаетъ лавку для склада сала. Сначала кажется, что это явленіе принадлежитъ къ разряду обыкновенныхъ банкротствъ. Ничуть не бывало. Банкротства—явленія ненормальныя, временныя и тягостныя для тѣхъ, кто имъ подвергается или кто ихъ практикуетъ. У сибиряка же это—жизненное условіе, безъ котораго онъ жить не можетъ,—условіе въ той же мѣрѣ постоянное, какъ стихія. Подвергаться безпрестаннымъ приключеніямъ для него не только не тягостно, но необходимо. Повидимому, онъ не можетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ; его подмываетъ что нибудь новое сочинить, куда нибудь на новое мѣсто переѣхать или на какое нибудь новое предпріятіе броситься, хотя бы съ рискомъ упасть и сломать голову.

Сообразно этимъ условіямъ существованія сибирскаго города вообще, измѣняется и физиономія обывателя его въ частности, и если принять во вниманіе, что вышеупомянутыя особенныя черты, отличающія сибирскій городъ, дѣйствовали въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, то само собой является желаніе говорить объ оригинальномъ, ему одному свойственномъ характерѣ сибиряка, о складѣ его ума и сердца, о его добродѣтеляхъ и порокахъ, однимъ словомъ—обо всемъ томъ, что входитъ въ опредѣленіе понятія „національности“, вплоть до языка включительно. Впрочемъ, я здѣсь имѣю въ виду лишь городскаго обывателя, отлагая до другаго мѣста разговоръ о сибирскомъ крестьянинѣ, отличающемся особенно рѣзко отъ кровнаго русака того же сословія; притомъ же я пишу объгля замѣтки, выражающія личныя наблюденія.

Шустрый и юркій, сибирякъ пріятно изумляетъ человѣка, который знаетъ родную сонливость и апатичность. Живая жестикуляція, бойкій разговоръ—это неотъемлемыя качества сибиряка. Онъ смотритъ дѣльцомъ по природѣ. Его сравнительная живость—врожденное качество. Неугомонный, онъ кажется чрезвычайно подвижнымъ. Неугомонность его, вѣроятно, явилась вслѣдствіе несмѣтнаго разнообразія богатствъ, которыми окружаетъ его природа Сибири, неисощенная еще эксплуатацией человѣка, и которая надо захватить; у него постоянно разбѣгаются глаза отъ этого разнообразія, и онъ старается присвоить по возможности больше—столько, сколько удержится въ рукахъ. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить человѣка,

который въ одно и то же время содержитъ лавку съ красивымъ товаромъ, имѣетъ салотопню и сѣть картофеля на принадлежащемъ ему участкѣ, чтобы гнать изъ него патоку на заводъ, который ему же принадлежитъ. Что касается подвижности, то его къ ней приучили неизмѣримыя степи, непроходимыя лѣса и пустыни. Переѣздъ пространства въ 500—1000 верстъ онъ считаетъ столь же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ переходъ съ одной улицы на другую. Движеніе для него необходимо. Онъ любитъ шляться. Ради покупки шали женѣ и галстука себѣ — для него ровно ничего не стоитъ проѣхать двѣсти верстъ на ближайшую ярмарку. По крайней мѣрѣ половина хозяевъ каждаго города постоянно, впродолженіи круглаго года, шляется по ярмаркамъ. Во всякомъ городѣ бываютъ три-четыре ярмарки въ году, да еще въ большихъ селахъ столько же, — и тотъ, кто хочетъ, можетъ всѣ 365 дней толчись на ярмаркѣ, а не хочетъ этого только тотъ сибирякъ, у котораго въ кармагѣ грошъ. Ярмарка — любимое занятіе сибиряка; здѣсь онъ наслаждается, веселится, развивается, живетъ. Если бы у него отняли ярмарку, онъ считалъ бы себя обездоленнымъ и сдѣлался бы мраченъ.

Ничѣмъ нестѣсняемый въ своихъ движеніяхъ, онъ держитъ себя непринужденно и свободно. Особенно выгодно отличается его эта жизненная потребность — быть свободнымъ, дѣйствовать по своему разумію и чувствовать малѣйшій гнетъ, наложенный посторонней рукой. Въ сибирякѣ нѣтъ рабскихъ чувствъ; холопство всевозможныхъ видовъ не знакомо ему. Послѣ нашихъ родныхъ картинъ, поразительно и положительно пріятно видѣть челоѣка, который не смотритъ на начальство собачьими глазами и оцѣниваетъ достоинства людей иначе, нежели лакей. Къ великому сожалѣнію, непринужденность и „вольное обращеніе“ его отчасти вытекаютъ изъ довольно грязнаго источника. Сибирякъ смотритъ на власть имущихъ чисто-коммерческими глазами: ихъ можно купить въ случаѣ надобности. Онъ уважаетъ не власть и заключающіяся въ ней права, а ея покупную силу, и, сообразно съ этимъ, одними лишь деньгами цѣнить табель о рангахъ. Чѣмъ больше чинъ и власть, тѣмъ больше сибирякъ готовъ платить въ случаѣ надобности... Собственно же къ начальству, какъ къ высокопоставленному сословію, онъ чрезвычайно равнодушенъ. Когда власть бездѣйствуетъ, сибирякъ относится къ ней безъ всякаго принужденія, а когда сибирякъ платитъ, это значитъ, что власть дѣйствуетъ. Этотъ цинизмъ здѣсь ничѣмъ не прикрытъ; все дѣлается открыто. Недавно, въ одномъ изъ городовъ, городской обыватель, привлеченный къ ответственности за избіеніе базарнаго вора, открыто въ официальныхъ показаніяхъ оправдывался тѣмъ, что полиція выпускаетъ всѣхъ воровъ, могущихъ платить, а потому побой — единственное средство защищать свою собственность. Въ другомъ мѣстѣ, обыватель, убившій жену, убѣдительно жаловался, что его свобода стоила ему десять тысячъ. Вообще, бѣлая часть отношеній, возникающихъ между обывателями и властями, оканчиваются мрачными дѣяніями. И потому, всѣ жизненные отношенія сибиряка пропитаны циничностью. Деньги являются единственной оцѣнкой достоинства челоѣка. Уплативъ, что и кому слѣдуетъ, сибирякъ уже считаетъ себя разрѣшеннымъ отъ всѣхъ обязательствъ къ людямъ. Онъ свободенъ. У него развязаны руки. Онъ дѣятельно и ловко продолжаетъ свою карьеру, пови-

димому безстыдный и наглый, хотя на самомъ дѣлѣ только откровенный. Примѣръ. Довольно богатый купецъ нажился тѣмъ, что регулярно банкротился. Каждый годъ, пріѣзжая въ Москву къ кредитору, который отпускалъ весь товаръ для его лавокъ, онъ предлагалъ ему приблизительно десять копѣекъ за рубль, за что подвергался регулярному сѣченію розгами. Это происходило нѣсколько лѣтъ подрядъ: онъ банкротился, а его сѣкли. Но это ничего. Онъ дождался таки того времени, когда уже не нужно было банкротиться, — разбогатѣлъ, а это все, что требовалось ему. Не обобщая этого случая, можно однако смѣло сказать, что въ быстрой наживѣ — вся суть сибиряка. У него нѣтъ ни обычаевъ, ни преданій, регулирующихъ и освящающихъ занятія и ремесла, а потому въ средствахъ наживы, которая является для него единственной цѣлью жизни, онъ чрезвычайно развязенъ.

Если бы построить схему жизни сибиряка, то она лилась бы въ слѣдующемъ видѣ.

Онъ началъ, положимъ, съ десяти рублей. Это — время, когда онъ мечется. Богатства кругомъ неистощимы, но онъ еще не знаетъ, какое изъ нихъ ближе лежитъ къ его кармагу. Это — время, когда онъ летаетъ по деревнямъ, рыскаетъ по ярмаркамъ, хватая то одно, то другое. То масло начнетъ скупать, то заводитъ кирпичный сарай, то промышляетъ соленой рыбой. Неудачи не убиваютъ его. Падалъ, онъ сейчасъ же поднимается. Если ему измѣнило одно дѣло, онъ хватается моментально другое, пока которое нибудь изъ нихъ не выручитъ его и не вознаградитъ за всю его суетливость. Получивъ капиталъ, онъ сейчасъ же пускаетъ его въ оборотъ; не останавливаясь на одномъ родѣ промышленности, онъ набираетъ полныя руки дѣла, рискуя всѣмъ своимъ состояніемъ. Отъ этого, уже будучи капиталистомъ, онъ неожиданно летитъ въ ту самую пропасть десяти-рублевой ничтожности, изъ которой еще недавно только выкарабкался. Но это не ввергаетъ его въ отчаяніе. Онъ съ прежней энергіей принимается работать; не отчаивается онъ, можетъ быть, потому, что эта игра, имѣющая единственной цѣлью наживу, — нравится ему. Если ему не везетъ при помощи общепринятыхъ средствъ, онъ пускаетъ въ ходъ опасныя средства, напримеръ, нѣсколько разъ нарочно банкротится. Это не злое дѣяніе, а только опасное. Это онъ ныряетъ. Ныряетъ — ныряетъ, и если не потонетъ въ такой опасной игрѣ, то вынырнетъ послѣ этого съ капиталомъ и съ закаломъ опытнаго челоѣка. Упрочивъ, наконецъ, свое богатство, онъ продолжаетъ его расширять до послѣднихъ предѣловъ, безостановочно, а въ то же время реализируетъ его въ европейскомъ шикѣ. По виду, онъ не Кить Кичичъ. Онъ выписываетъ костюмъ изъ Парижа, фазтоны изъ Петербурга, лошадей съ Орловскихъ заводовъ, зеркальныя стекла изъ Москвы и пр. По вѣншему виду, онъ не какой нибудь торговецъ садомъ или крупчаткой, а просто культурный челоѣкъ. По вѣншему виду, въ немъ больше европейскаго, чѣмъ въ русскомъ купцѣ, хотя онъ и пребываетъ въ Азіи.

Иногда онъ показываетъ шикъ въ болѣе симпатичномъ видѣ: жертвуетъ массу денегъ на школу, заводитъ бібліотеку, хлопочетъ объ университетѣ, даетъ средства ученому, отправившемуся для научныхъ изслѣдованій въ глубь азіатской дичи. Но такое видоизмѣненіе схемы дѣятельности происходитъ еще не часто, хотя каждый сибирякъ склоненъ

къ такого рода вкусамъ. Говоря вообще, внѣшняя культура въ заброшенномъ сибирскомъ городкѣ такъ быстро прививается и усваивается, что нѣтъ возможности сравнить его съ городомъ, стоящимъ на западномъ склонѣ Урала. Но это и все. Имѣеть ли онъ для окружающей страны значеніе культурнаго центра? Если говорить о культурѣ внутренней, пошлей въ себѣ умственное развитіе, то нѣтъ, не имѣеть. Тѣмъ менѣе можно говорить о своеобразной, собственной сибирской культурѣ; мысли и идеалы Сибирь пока получаетъ изъ Россіи. Сибирскій городъ сосредоточиваетъ въ себѣ и передаетъ за Уралъ кожи, сало, шерсть, масло, скотъ, воскъ и медъ, звѣринныя шкуры и рыбу, хлѣбъ и муку, но не идеи. И нельзя ихъ имѣть здѣсь. Не смотря на безпредѣльные пространства Сибири, воздухъ въ ней до того удуплилъ, что интеллигенція нечѣмъ дышать.

II.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВЪ КИРЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

Не стара и вся Сибирь, а добрая половина ея теперь только заселяется. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежить и болшая часть Киренскаго округа. Разселеніе здѣсь производится старожилками и вызывается потребностью въ землѣ лучшаго качества и желаніемъ имѣть ее поближе къ дому. Тамъ, гдѣ на протяженіи, напр., 200—250 верстъ считаютъ 700 душъ, о разселеніи не можетъ быть и рѣчи. Малоземелье является прежде всего въ узкой рѣчной долинѣ. Смотря по причинѣ, вызывающей переселеніе, выселяются или „за хребетъ“, т. е. въ долину другой соседней рѣчки, или же только выше или ниже по той же рѣчкѣ. Случается, что иной житель въ теченіи своей жизни переѣзжаетъ раза 2, 3, пока осядетъ вплотную. Причиной, или, вѣрнѣе, поводомъ къ выселенію бываютъ и несчастья: вотъ рѣка два-три года подрядъ стала затоплять пашню. Наворочаетъ глыбы льда—какой ужъ тутъ посѣвъ! Сгорѣлъ лѣсъ и уничтожилъ „заводъ“, бѣлка ушла и нѣтъ промысла, а безъ него, „какъ морозъ хлѣбецъ-батьку хватить, тоже не поправишься!“ Иногда, подгнившаго безземельемъ, снимаются разомъ 2, 3 семьи. Почти всегда, это—молодые, недавно отдѣлившіяся семьи, обдѣленные землей при раздѣлѣ, а своихъ „росчистей“ и „подсухъ“ еще не успѣвшихъ завести. На нашихъ глазахъ было два случая выселенія изъ-за неудавшейся семейной жизни.

Облюбовавъ мѣсто своего будущаго поселенья, пионеръ устраиваетъ „зимовье“—избушку на курьихъ ножкахъ—и „подсушаетъ“ подлежащую очисткѣ лѣсную площадь: это значитъ, что весной онъ глубоко зарубаетъ каждое дерево на высотѣ человѣческаго роста. Этотъ лѣсъ засохнетъ; на будущій годъ, весной, эту высушенную площадь сожгутъ, принявъ пѣкоторые мѣры предосторожности противъ лѣснаго пожара, а затѣмъ обгорѣлые ши будутъ корчеваться и „подсуха“ превратится въ „росчисть“. Въ этой тяжелой работѣ (въ переводѣ на деньги она стоитъ 80—100 и 120 р. съ десятины) пионеру помогаютъ тѣ изъ остающихся согражданъ, кому, по условію, перейдетъ его земля въ деревнѣ; работаютъ здѣсь десятина за десятину.

Страшно трудно первые годы поселенцу. Переѣзжаетъ онъ въ зимовье въ годъ перваго посѣва. Расчищена какал

нибудь десятина пашни, надо расчистить и покосъ, устроить выгонъ—„поскотину“, заготовить лѣсъ на избу и поставить ее, ибо только послѣ упорнаго и тяжелаго труда соглашается допустить человекъ въ свои предѣлы лѣсная дичь. И вдругъ окажется, что морозъ хлѣбъ бьетъ или трава худая, скотъ болѣеть, — опять снимайся, опять бросай все! Правда, это не часто случается: слишкомъ осторожно выбираетъ крестьянинъ мѣсто. Поставитъ онъ подлѣ зимовья избу—и поселокъ готовъ; позже отдѣлившіеся сыновья или раздѣлившіеся братья построятся близко, и вотъ поселокъ растетъ. Чаще всего онъ называется по имени основателя; тутъ живутъ Осиповскіе, тамъ Ефремовскіе, Гусевы и проч. И обиліе этихъ поселковъ—одиночекъ, или въ 2, 3 дома, придавая оригинальный характеръ мѣстности, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, какъ еще недавно этотъ край былъ пустыней. Но котѣджи не въ характерѣ русскаго крестьянина, хотя и сибиряка, и лѣтъ чрезъ 30—40 вы здѣсь увидите вытянувшуюся въ линію цѣпь домовъ съ погостомъ и пожарной—этими неизбѣжными атрибутами русской деревни. Такова исторія любого изъ селеній Киренскаго округа, лежащихъ не на „трактѣ“. Дѣлаемъ эту оговорку потому, что административныя распоряженія въ послѣднемъ случаѣ имѣли мѣсто больше, чѣмъ личный выборъ крестьянъ.

Мы бы оставили существенный пробѣлъ въ причинахъ выселеній, если бы не упомянули еще одного мотива—наживы на счетъ тунгусовъ. Тутъ цѣль обуславливаетъ и выборъ мѣста—ихъ стойбища и поселки. Орудіе наживы—вода, обмѣръ и обвѣсъ. И дѣйствительно, тутъ богатѣютъ въ нѣсколько лѣтъ. Трудно рѣшается крестьянинъ на переселеніе: первые годы это почти всегда начало кабалы. Эта „исконная“ особенность русскаго духа водворилась здѣсь на правахъ полнаго гражданства, переименовавъ только названіе: здѣсь она называется „покрутой“, кабальный же—„покрученникомъ“. Такъ толкуютъ въ самомъ народѣ значеніе этого слова: „какъ ни крутись, а все къ нему придешь“—это по одной редакціи; по другой же, это значитъ, что человекъ ужъ вовсе скрутили, какъ онъ ни выкручивался. Эти нелішенные остроумія объясненія довольно вѣрно характеризуютъ и учрежденіе, и прижизненіе его, такъ-какъ этимъ именемъ называется запродажа себя безъ контракта, со всѣми чадми и домочадцами, до поtroховъ ихъ и душъ включительно.

Въ идеѣ же своей покрута представляетъ вотъ что: крестьянинъ выбираетъ между торговцами одного, съ которымъ и имѣеть постоянно дѣло: покупаетъ у него, что ему нужно, и продаетъ изъ своей добычи нужное купцу. Сдѣлка полюбовная и имѣеть цѣль выгоды обѣихъ сторонъ: купцу выгодно имѣть постоянно обезпеченнымъ сбытъ опредѣленнаго количества извѣстнаго товара, особенно при подрядахъ имѣть вѣрныхъ поставщиковъ всего необходимаго для исполненія его обязательствъ; не менѣе важно для крестьянъ имѣть постоянно сбытъ своимъ продуктамъ и, притомъ, безъ потери драгоцѣннаго времени на поиски покупателя.

(Окончаніе будетъ).

Ф. Г.

СИБІРЯКЪ.

Смѣлость, смѣтливость, повадка
 Рыскать по странѣ,
 Чистоплотность, умъ, приглядка
 Къ новой сторонѣ;
 Горделивость, мысли здравость,
 Юморъ, жажда правъ,
 Добродушная лукавство,
 Развеселый нравъ;
 Политичность дипломата
 Въ рѣчи при чужомъ,
 Откровенность, вольность брата
 Съ истымъ землякомъ;
 Страсть отбѣгая къ природѣ—
 Отъ степенъ до горъ,
 Духъ, стремящійся къ свободѣ,
 Любящій просторъ;
 Пѣвскъ дѣла, жажда свѣта,
 Юной жизни кровь,
 Безъ предѣла и завѣта
 Къ родинѣ любовь;
 Страсть отставать родное,
 Знать: да что, да какъ?
 Стойкость, сердце золотое,—
 Вотъ нашъ сибирякъ!

Омулевскій.

ВОЯЖЪ СИБІРСКАГО КУПЦА.

(Изъ путевыхъ воспоминаній).

Въ концѣ весны 185... года, страшная распутица и вскрытіе какой-то небольшой рѣчки въ Западной Сибири, заставили меня сдѣлать невольный привалъ на берегу этой рѣчки, въ прескверномъ станціонномъ домѣ. Я сидѣлъ и скучалъ, когда увидѣлъ, что къ станціи подъѣхалъ щегольской „проходной“ тарантасъ, какъ въ Сибири называютъ собственные экипажи.

Изъ экипажа вышелъ пріѣзжій—повидимому, солидный купецъ; за нимъ вынесли всевозможные сакъ-вожки, мѣшечки, погребки и корзинки, безъ которыхъ не ѣздятъ ни одинъ сибирскій купецъ.

Станціонный смотритель встрѣтилъ его привѣтливо, какъ человѣка, очевидно, знакомаго. Комната для пріѣзжающихъ была одна, и мы скоро познакомились. На столѣ шумѣлъ самоваръ, подана была миска съ пельменями, праженики и всякая благодать. Видя мое одиночество, купецъ, по обычаю, пригласилъ меня въ компанію, откупоривъ графинчикъ. Паръ отъ пельменей, дѣйствительно, соблазнилъ меня, въ виду того, что мои запасы давно истощились.

За столомъ и бесѣдой время шло незамѣтно. Я вспомнилъ, что онъ вскользь замѣтилъ о тайгѣ, и спросилъ его, не золотопромышленникъ ли онъ?

— Правда, я и забылъ откомендоваться: Яковъ Борисовичъ Уфимскій, старинный „золотарь“, шутливо прибавилъ мой собесѣдникъ;—а вы, смѣю спросить?

Я назвалъ себя, а также и городъ, гдѣ постоянно живу. Какъ старый сибирякъ, онъ, оказалось, зналъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ; разговоръ оживился его разказами о нѣкоторыхъ изъ нихъ—людяхъ, тогда еще мнѣ мало знакомыхъ. Большинство ихъ, конечно, былъ чиновный людъ. Разговоръ какъ-то зашелъ о сибирскихъ порядкахъ, и когда мнѣ пришлось, въ качествѣ вѣршаго человѣка, выразить нѣчто въ родѣ недовѣрія къ возможности разныхъ казусовъ, о которыхъ шла рѣчь, то онъ просто смѣялся надо мной.

— Вы, батюшка, выходите, Сибири-то не знаете вовсе! Развѣ здѣсь есть что нибудь невозможное для чиновника, развѣ только онъ хорошъ съ начальствомъ? Все, что хотите, сдѣлаешь, ему все съ рукъ сойдетъ, а надъ вами же и посмѣется! Лѣтъ двадцать тому назадъ, надо мной такъ подшутили одинъ, сравнительно, ничтожный чиновникъ, что я потерялъ почти все свое состояніе, да и жаловаться не могъ. Мало того, это происшествіе до сихъ поръ служитъ нашимъ досужимъ сибирякамъ предлогомъ посмѣяться надъ моею, якобы, простотою.. Вотъ вамъ и пугка! какъ то озлобленно вздохнулъ онъ.

— Что же? Разскажите, если не лѣнь, попросилъ я его.

— Нѣтъ, извините, не могу; мнѣ и вспомнить-то, такъ всего коробить! Словомъ, поживешь въ Сибири—подобнымъ вещамъ не будешь удивляться, а теперь пока позвольте вамъ подлить рому,— не правда ли, не дурно? Вы куда теперь ѣдете? Въ N—къ?

На мой утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ:

— Тамъ поведаете Павла Васильевича Башилова,—клянисьтеся ему!

Только на другой день, послѣ обѣда, явилась возможность ѣхать дальше, и на третьей или четвертой станціи переѣзда я распростился съ моимъ обязательнымъ собесѣдникомъ. По пріѣздѣ въ N—къ, рассказываю я кому-то свои дорожныя приключенія, упомянулъ, между прочимъ, и о встрѣчѣ моей съ Уфимскимъ, причѣмъ расхвалилъ его, какъ пріятнѣйшаго, остроумнаго собесѣдника и радушнаго попутчика, готоваго подѣлиться въ дорогѣ всѣмъ.

— Человѣкъ онъ дѣйствительно умный, и поговорить съ нимъ, какъ въ говорили, не спорю, можетъ быть, и пріятно; но за то имѣть съ нимъ какое-нибудь дѣло—не дай Богъ, это первоклассный мошенникъ и разбойникъ, шуллеръ—все, что хотите.

— Что вы? Съ такой патриархальной наружностью, съ такой добротой—и чтобы былъ плутъ! Что-то не вѣрится; къ тому же онъ мнѣ, между прочимъ, говорилъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ, его такъ поддѣло чиновничество, что онъ потерялъ почти все состояніе. Какъ это допустить, если ужъ онъ такой мошенникъ?

— А! Онъ и это разсказалъ вамъ?

— Нѣтъ, не разсказалъ, а только упомянулъ объ этомъ. Что это правда, вы не знаете?

— Знаю и могу вамъ передать обстоятельно.—Видите ли, какъ было это дѣло. Уфимскій—еврей и купецъ; главная цѣль его жизни—деньги. Вы, конечно, знаете, что въ Сибири не пренебрегаютъ средствами нажить ихъ. Конечно, самое соблазнительное здѣсь—это золото. Много грѣха отъ него въ Сибири; изъ-за него и людей убиваютъ... Кромѣ добычи золота, существуетъ еще покупка и продажа краденаго золота. Дѣло это соблазнительное, около

него ютятся русскіе и евреи. Нѣкоторые изъ Т—хъ евреевъ, имѣя капиталы, пустились въ этотъ рискованный промыселъ, надѣясь на деньги и патріархальность мѣстныхъ чиновниковъ. Уфимскій, мальчишкой, попалъ какъ-то въ Западную Сибирь, маклачилъ, чѣмъ понало, и вскорѣ удалось ему устроиться не то писцомъ, не то лакеемъ на присскѣ. Съ этого момента опредѣлилась уже вся жизнь его и дѣятельность. Когда онъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вернулся въ городъ, у него уже было тысячки три-четыре! Значить, уже уразумѣлъ присковую механику и золота уже приобрѣлъ малую толику, которое и перепродалъ въ городѣ съ барышемъ 1,000⁰! Съ этихъ поръ онъ посвятилъ себя скупкѣ и перепродажѣ краденаго, или, выражаясь по казенному, „хищническаго“ золота. Занятіе этой торговлей чрезвычайно выгодно, и сравнить ее, по выгодности, можно только съ фабрикаціей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, которая, какъ извѣстно, составила не одно колоссальное состояніе въ Россіи, особенно между мануфактуристами. Сходство этихъ профессій еще болѣе увеличится, если вы вспомните, что какъ за одно дѣло, такъ и за другое, въ случаѣ изобличенія виновныхъ, — каторжныя работы! Значить, велики же барыши, если трусливѣйшій народъ въ мірѣ, чуть не поголовно и теперь торгуетъ у насъ „песочкомъ“? Уфимскій велъ свои дѣла такъ, что въ короткое время у него уже оказались и каменные дома въ городѣ, и чуть не въ трехъ городахъ лавки для замаскированія настоящаго источника богатства — словомъ, обладалъ капиталомъ солиднымъ. Тутъ я сдѣлаю маленькое отступленіе — приостановившись, обратился ко мнѣ разскащикъ: — надо вамъ сказать, что существуетъ законъ, по которому правительство, въ видѣ награды, выдаетъ по полтора рубля за золотникъ каждому, кто открываетъ хищническое золото, сколько бы его не оказалось; такимъ образомъ, открытъ золото — дѣло очень выгодное, и понятно, всякому полицейскому весьма любопытно бы совершить такой подвигъ: вѣдь одинъ пудъ если найдетъ, то около шести тысячъ получить, не мошенническимъ, а честнымъ образомъ заработанныхъ, да еще къ наградѣ представлять! Отсюда и вытекаетъ, что насколько легко приобретать отъ рабочихъ на мѣстѣ, т. е. на прискахъ, золото, настолько же трудно его пронести благополучно домой, такъ-какъ во весь длинный путь приходится ежеминутно опасаться, что вотъ-вотъ грянетъ обыскъ, и тогда не только „прощай капиталъ“, но еще въ перспективѣ и каторга! Лица, занимающіяся провозомъ золота, почти на-перечетъ извѣстны полиціи, но на обыскъ провѣжающихъ члены полиціи рѣшаются рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, когда они заранѣе предувѣдомлены какимъ нибудь лицомъ, пользующимся ихъ полнымъ довѣріемъ, что, молъ, такой-то везетъ столько-то золота; но и при этомъ, ловкость провозителей часто оставляетъ въ дуракахъ полицію, и на послѣднюю непремѣнно поступаетъ жалоба на неправильное задержаніе „человѣка, занимающаго извѣстное общественное положеніе (напр., куца 1-й гильдіи), подозрѣніе на котораго въ столь тяжкомъ преступленіи можетъ принести громадный имущественный убытокъ, не говоря уже про нравственное страданіе“ и проч. Подобныя жалобы крупныхъ коммерсантовъ нерѣдко влекутъ за собой удаленіе отъ должности наиболѣе ревнивыхъ „искателей золота“, и этимъ только и объяснима та громадная торговля золотомъ, кака я процвѣтаетъ нынѣ въ Сибири.

Теперь возвращусь къ Уфимскому, — продолжалъ разскащикъ. — Онъ дошелъ до такого искусства и ловкости въ провозѣ золота, что уже нѣсколько лѣтъ, раза по два въ годъ, ѣздилъ изъ Е—ка въ Т—къ подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, и несмотря на то, что всѣ знали, зачѣмъ онъ ѣздитъ, его не трогали, такъ-какъ двое или трое смѣльчаковъ изъ земскихъ засѣдателей слетѣли съ мѣстъ, рискуя задержать его въ дорогѣ и не найди при немъ ни порошинки. Вѣдь золото, какъ очень тяжелый металлъ, требуетъ весьма малое мѣста, и потому его довольно легко спрятать. Одни предпочитаютъ держать его при себѣ, въ замшевыхъ мѣшечкахъ, чтобъ имѣть возможность, при первой опасности, бросить его незамѣтно въ снѣгъ, а если дѣло бываетъ лѣтомъ, что случается рѣдко, то въ траву, и такимъ образомъ рискуютъ потерять ¹золото ради спасенія собственной шкуры. Другіе же по большей части идутъ на болѣе тонкія штуки: задѣлываютъ его въ экипажъ; напр., выдалбливаютъ въ отводникахъ дуги или въ передкѣ пустоту, куда въ бычачьемъ пузырьѣ и закладываютъ золото, да такъ искусно задѣлываютъ, что самый опытный глазъ не замѣтитъ при внимательномъ обзорѣ ничего подозрительнаго. Закладываютъ его также въ товарные ящики и боченки, притомъ такъ, что какое дно ни выбей — виденъ только товаръ, а въ серединѣ находится маленькій выдвижной ящикъ, совершенно незамѣтно помѣщенный, съ золотомъ. Словомъ сказать, въ подобныхъ хитростяхъ Уфимскій былъ неуловимъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ полиціи поймать его, кончившихся, какъ я вамъ сказывалъ, очень печально для нея, онъ, позадивъ лѣтъ пять со всякими предосторожностями, мало по малу свыкся съ мыслью о полной безопасности проѣзда и пересталъ выдумывать новые способы скрытія „песочку“, а сталь уже возить его прямо въ чемоданѣ, много въ двухъ-трехъ, между бѣльемъ и платьемъ. Полиціейстеромъ въ Е—кѣ былъ въ тѣ времена Иванъ Андреевичъ Лапенко, отличный малый, хохолъ, любившій хорошо выпить и поѣсть, и другихъ угостить. Очевидно, что для этого нужны были деньги, и хоть онъ покойникъ теперь, а долженъ и вамъ доложить — умѣлъ изъ любого дѣла извлекать, такъ сказать, „кубическій корень“. При всемъ томъ, весь городъ его любилъ, а въ числѣ первыхъ дружковъ его былъ и Уфимскій который, какъ пріѣдетъ бывало изъ Т—ка, непремѣнно привезетъ ему разныхъ этакихъ петербургскихъ и заграничныхъ закусокъ, вина какого нибудь новаго, у насъ не виданнаго, и проч. — словомъ, жили душа въ душу. Покойникъ Иванъ Андреевичъ нѣтъ-нѣтъ, да подъ веселую руку и скажетъ, шутя, Уфимскому: — „Охъ, братъ, Яковъ! Ты все закусками, да виномъ отбодряешься отъ меня! Смотри, лучше плати мнѣ годовыхъ... ну, тысячки полторы-двѣ: поймаю — помани мое слово, за все время получу!“ — „Что вы, Иванъ Андреевичъ! Да за что вамъ и платить-то? Вы все на счетъ золота думаете, что занимаюсь, а я, видитъ Богъ, забывъ, какое оно есть и на видъ-то! У меня, слава Богу, сами видите, торговля не маленькая, какой мнѣ расчесть путаться съ этимъ добромъ. А впрочемъ, — улыбнулся Уфимскій, — попробуйте: авось вы и счастливые будете прежнихъ...“ „Ну, вотъ, стану я, Яша, возиться съ этимъ! Это я такъ: думаю, не положишь ли чего въ года-то!“ И они съ добродушнымъ смѣхомъ чокались и выпивали стаканчикъ „портерцу аглицкаго Ликоку“. Надо вамъ сказать, что Уфимскій въ то время

имѣлъ уже и пріиска въ сѣверной тайгѣ *), которые сами по себѣ, кромѣ убытку, ничего ему не приносили; но отъ нихъ былъ большой доходъ вслѣдствіе близости богатыхъ пріисковъ, такъ-какъ эта близость давала возможность рабочимъ другихъ пріисковъ сбывать все краденое золото Уфимскому, который и показывалъ его въ книгахъ, какъ добытое на своихъ. Это золото, конечно, не подлежитъ преслѣдованію; правительство каждому золотопромышленнику или довѣренному его, везущему золото для сплава въ Барнаулъ (теперь и въ Иркутскѣ есть золотоплавильни), даетъ въ конвой казака съ казенной дорожной, а то и двухъ. Но Уфимскій не довольствовался этимъ золотомъ, онъ накупалъ его далеко болѣе того, что значилось въ книгахъ, и вотъ это-то излишекъ и могъ, въ случаѣ его открытія кѣмъ-либо, огривить на каторгу нашего контрабандиста. Иванъ Андреевичъ, покойникъ, зналъ это, да не зналъ, какъ онъ его провозить: самъ ли лично, черезъ знакомыхъ ли евреевъ, или же съ транспортомъ товаровъ,—и долго не рѣшался „задѣть друга за живое мѣсто“. Однажды, былъ большой обѣдъ у Якова Борисовича; давался онъ по случаю отъѣзда его, въ тотъ же день, къ себѣ въ Т—къ. Почетнѣйшемъ гостемъ былъ, конечно, Иванъ Андреевичъ, который всегда въ подобныхъ случаяхъ ѣлъ, пилъ и говорилъ за четверыхъ. Дѣло было зимой, передъ самыми сумерками. Превосходная зимняя полукрытая кибитка Уфимскаго, запряженная лихою тройкой, сплошь увѣшанною „бубендами“, стояла уже давно на дворѣ. Но господа что-то долго не выходили изъ комнатъ. Тамъ въ это время произошла любопытная сцена между Иваномъ Андреевичемъ и Яковымъ Борисовичемъ, уже одѣтымъ въ дорожную якутскую даху на песцевомъ подкладѣ.—„Подожди, Яша, поди-ка сюда ко мнѣ на минуту, у меня есть до тебя два слова передъ отъѣздомъ,—шепнулъ Иванъ Андреевичъ Уфимскому, и ухвативъ его полегонку за рукавъ, подвелъ къ окну, откуда видна была готовая тройка:—смотри братъ, какъ бы тебѣ не влопаться! Въ полицейскомъ управленіи сегодня получена бумага отъ горнаго исправника, что ты везешь съ собой золото; поэтому, сердись не сердись, а обыскай тебя и твоей экипажъ и должень. Я не хотѣлъ публично скандала дѣлать, потому и молчалъ, а больше, братъ, не могу! Да и сдѣлать, братъ, ничего не могу: видишь, не только кругомъ кибитки, но и на дворѣ стоитъ полиція! Если есть грѣхъ—лучше покайся! Авось, какъ нибудь сойдемся,—не первый годъ, говорятъ, знакомы; какъ нибудь и вывернемся! А самъ треплетъ помертвѣвшаго Уфимскаго по спинѣ, ласково заглядывая ему въ глаза. Тотъ взглянулъ на дворъ и сразу увидалъ, что извернуться нѣтъ возможности: кругомъ кибитки помѣщены казаки, съ двумя квартальными во главѣ; у воротъ, на задворкахъ, тоже прохаживается стража. Спустился къ экипажу, началъ самому показывать всѣ свои вещи и при этомъ незамѣтно выкинуть вонъ золото, какъ не разъ удавалось,—теперь невозможно, потому что кругомъ полиція, да и золота много: около 6-ти пудовъ! —Иванъ Андреевичъ, не губи меня! Вѣдь ты хлѣбъ-соль мою ѣлъ, жили мы съ тобой, какъ братья! Не разори въ конецъ. Устрой

какъ нибудь: я тебѣ сейчасъ красненькую тысячу дамъ!— „Зачѣмъ я тебя разорять буду, чудакъ, право, какой! Вѣдь мнѣ сообщили, что у тебя золото,—ну, я и долженъ исполнить требованіе—обыскай тебя! Если у тебя нѣтъ песочку, такъ за что же ты мнѣ дашь десять тысячъ?“— Въ томъ-то и дѣло, что есть,— молить Уфимскій, готовый упасть въ ноги Лапенко.—„А коли есть, такъ ужъ, братъ, не гнѣвайся! Сколько времени я тебѣ набожно говорилъ: „Ой, Яковъ, плаги лучше погодны“, а ты что?—„не запутаюсь, молъ!“—Теперь и платись. Сколько-жъ съ тебя взять? Тутъ между ними произошла отчаянная торговля: Лапенко упорно стоялъ на тридцати тысячахъ. При видѣ бѣды неминуемой, Уфимскому ничего не оставалось, какъ только снять съ себя все платье и изъ громаднаго, русской кожи бумажника, носимаго имъ на груди подъ рубашкой, достать требуемую сумму и вручить сочувственно улыбавшемуся Ивану Андреевичу, который въ это время утѣшалъ его, говоря, что и онъ, Лапенко „рискуетъ изъ-за этого потерять мѣсто“, такъ-какъ горный исправникъ непременно допесетъ на него; но „что для такого стараго пріятели онъ готовъ на все“. Это задержало отъѣздъ Уфимскаго на часъ по крайней мѣрѣ: Лапенко не хотѣлъ отпустить его, не угостивъ еще разъ „холодненькимъ“. Когда Уфимскій, наконецъ, вышелъ садиться въ экипажъ, онъ не засталъ ни одного полицейскаго. Покойникъ Лапенко еще передъ смертью мнѣ говорилъ, что простить не можетъ себѣ, какъ такъ мало взялъ съ Уфимскаго:—„не зналъ, говорить, что у него шесть пудовъ было; слѣдовало бы всю стоимость взять, а я разсчиталъ, что не болѣе двухъ,—ошибся тотъ, кто мнѣ донесъ!“

Такъ закончилъ свой разговоръ мой собесѣдникъ.

—Какая же тутъ шутка чиновника, про которую мнѣ говорилъ Уфимскій? Это просто ловкая взятка, болѣе ничего! замѣтилъ я ему.

Онъ улыбнулся и, взглянувъ на меня, началъ снова говорить:

—Да я же вамъ сказывалъ, что покойникъ Лапенко былъ веселый малый, такъ шутку-то онъ и выдумалъ съ Уфимскимъ слѣдующую: въ К—кѣ полиціймейстеромъ былъ въ то время нѣкто S., закадычный его другъ и пріятель: къ нему, еще наканунѣ отъѣзда Уфимскаго, онъ послалъ нарочно, съ просьбой словить Уфимскаго на первой станціи отъ К—ка, пригрозить ему обыскомъ и взять съ него, сколько самъ сообразитъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Представьте теперь изумленіе Уфимскаго, когда передъ К—мъ встрѣчаетъ его тамоншій полиціймейстеръ, говоря, что имѣетъ бумагу отъ горнаго исправника обыскай его, но согласенъ замѣять дѣло, если получить десять тысячъ. Дѣлать нечего, Уфимскій далъ, прокаянная въ душѣ горнаго исправника, которому ежегодно платилъ шесть тысячъ,—и вотъ, извольте, какаа благодарность!“—Въ К—кѣ онъ только отобѣдалъ у S., который силкомъ почти затащилъ его къ себѣ и задержалъ часовъ семь, чтобы успѣть дать знать, въ свою очередь, другому пріятелю, м—му исправнику, прося его продѣлать ту же исторію. Удивленіе Уфимскаго и его злость на злополучнаго горнаго исправника не имѣли границъ, когда онъ принужденъ былъ снова дать пять тысячъ. Но и м—кій исправникъ не отсталъ отъ своихъ предшественниковъ: онъ успѣлъ сообщить о ѣдущемъ кладѣ своему сосѣду по уѣзду, съ той же непремѣнной ссылкой на горнаго исправника. И тутъ

*) Енисейская губернія, относительно золотопромышленности, раздѣлена на двѣ части: сѣверную и южную тайги. Первая, еще недавно, давала массу золота, и пріисковъ въ ней было очень много.

Уфимскій, уже больной отъ злости, дать пять тысячъ, думалъ, что, теперь, молъ, кончилась Восточная Сибирь—кончилось и его потрошеніе. Не тутъ-то было: прѣѣзжаетъ въ К—къ,—и тутъ та же исторія, и опять пять тысячъ! Отдалъ онъ ихъ и подѣѣзжаетъ уже къ родному Т—ку, гдѣ конецъ его печальному путешествію; но на послѣдней станціи его непріятно поразила хорошо знакомая ему фizioномія „своего“, т. е. т—го полиціимейстера. „Ну, думаетъ, неужели и этотъ ближайшій мой другъ и пріятель такъ же будетъ ко мнѣ безжалостенъ?“ Увы! „пріятель“ оказался, можно сказать, „наигорчайшимъ злодѣемъ“. Онъ, во-первыхъ, взялъ десять тысячъ деньгами, а во-вторыхъ, конфисковалъ, батюшка вы мой, все золото въ свою пользу! Какова шельма! а? Вѣдь сразу сотня тысячъ заработалъ! Вотъ-съ отчего вашъ новый знакомый, Яковъ Борисовичъ Уфимскій, милый, по вашему, человекъ, и не хотѣлъ самъ рассказать вамъ эту исторію! Ужъ больно стыдно было въ своемъ промахѣ со-знаться!.. Конечно, послѣ сталъ опытиѣ. Ну, а шутку не забылъ!..

„Шутка“, подумалось мнѣ,—это, вѣроятно, еще не большое несчастье, и, какъ шутка—даже остроумная въ своемъ родѣ.

— Ну, что же, онъ разоренъ теперь? спросилъ я.

— Какое! И теперь ѣздитъ—конечно, только осторожиѣе. Такъ же капиталы наживаетъ, не разберешь только вотъ: игроу ли въ карты по ярмаркамъ, или золотомъ? Шутъ ихъ разбереть!

На всякій случай, эту исторію купеческаго воляжа по Сибири мы тогда же записали, и теперь дѣлимся ею съ читателями.

Мишпа.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА КЕДЬЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Графъ Шамборъ скончался, получивъ отъ папы заочное апостольское благословеніе. До послѣдней минуты онъ былъ въ полномъ сознаніи, простился съ прибывшими родственниками. Похороны предположены 1 сентября, въ присутствіи всѣхъ орлеанскихъ принцевъ. По поводу смерти графа французская печать вступила въ полемику. Монархическія газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ, заявляя, что смерть графа повлечетъ за собою политическія событія; что хотя со смертію графа Шамбора старшая линія французскаго королевскаго дома угасла, но остается младшая. Газеты эти совѣтуютъ графу Парижскому сообщить державамъ о смерти графа Шамбора въ формахъ, установленныхъ для подобнаго случая придворными обычаями, и заявить вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ признаетъ за собою принадлежаніе ему по рожденію права. Республиканскіе органы печати, отзываясь съ уваженіемъ объ умершемъ и указывая на его честность, разумѣется не придаютъ смерти его политическаго значенія, т. е. говорятъ, что этотъ фактъ не можетъ нарушить во Франціи текущій порядокъ дѣлъ, что, напротивъ, смерть претендента внесетъ съ собою въ могилу и ученіе о королевскомъ правѣ: „Божею милостію“. Бонапартисты подняли голову; они, пользуясь случаемъ, отпраздновали день св. Наполеона богослуженіемъ и обѣдомъ, за которымъ говорились рѣчи о необходимости восстановленія монархіи и провозглашались тосты въ честь того, кто избавитъ Францію отъ республики. О военныхъ дѣйствіяхъ французовъ извѣстно, что 15 августа изъ Ханоя

вышелъ отрядъ французовъ въ числѣ 2,000 человекъ, съ 14 орудіями, и направился въ Уонтай, но по дорогѣ встрѣтилъ китайскія войска, состоявшія изъ 5,000 человекъ. Битва длилась цѣлый день. Китайцы отступили; французы заняли ихъ позиціи, потерявъ убитыми 2 офицеровъ и 15 нижнихъ чиновъ; раненныхъ 70 человекъ. 22 августа французы взяли долларъ цѣлый день. Туземныя войска отступили внутрь страны. Французы направились къ столицѣ Аннама, Гюэ. Адмиралъ Мейеръ задерживаетъ и обыскиваетъ китайскія суда, направляющіяся къ той-же столицѣ. Два французскіе броненосца будутъ блокировать Гюэ, и 1,200 морскихъ солдатъ высадятся на берегъ, въ помощь сухопутной атакѣ. По извѣстіямъ съ Мадагаскара, адмиралъ Пьеръ разрѣшилъ иностраннымъ консуламъ вновь вступить въ отравленіе своихъ обязанностей, чѣмъ удовлетворено англійское самолюбіе. Военный министръ возвратился изъ своей поѣздки по восточной границѣ. Изъ сдѣланнаго осмотра фортамъ онъ вынесъ отрадное впечатлѣніе.

— Беспорядки, бывшіе въ австрійскихъ провинціяхъ, мало-по-малу прекратились, хотя во многихъ мѣстностяхъ еще стоятъ войска и полиція находится въ усиленномъ составѣ. 22 августа будетъ происходить совѣщаніе министровъ, подъ предѣлательствомъ самого императора, для разъясненія причины безпорядковъ и для выработки мѣръ, могущихъ служить къ предотвращенію печальныхъ случайностей. Нѣмцы продолжаютъ воевать съ славянскимъ элементомъ. Въ Прагѣ, мѣстные нѣмцы требуютъ раздѣленія Богеміи на двѣ части, на нѣмецкую и чешскую. Командующій войсками въ Прагѣ, отдавъ приказъ, которымъ напоминаетъ полковымъ командирамъ, что команда должна происходить на нѣмецкомъ языкѣ. Такое распоряженіе вызвано чешскими офицерами, начавшими во время ученія отдавать команду своимъ солдатамъ по чешски. Въ Вѣну прибылъ сербскій король Милашъ и румынскій король Карлъ для совѣщанія по вопросу о дунайской конференціи. Поѣздки эаа, какъ въ Вѣнѣ надѣются, уладить дѣло подписи конвенціи, т. е. Румыніи придетъ къ соглашенію съ прочими державами.

— Переселенческой вопросъ въ Англіи выдвинуть на сцену. Въ палатѣ общинъ, вмѣстѣ съ проектами закона объ ирландскихъ рельсовыхъ дорогахъ съ субсидіею отъ правительства и о развитіи общественныхъ работъ въ Ирландіи, въ смыслѣ доставленія заработка рабочимъ, прошелъ билль о мѣрахъ, клонящихся къ облегченію крестьянъ пріобрѣтать въ полную собственность обрабатываемые ими участки, и о мѣрахъ, облегчающихъ переселеніе ирландцевъ. Въ послѣднемъ проектѣ правительство предлагало назначить субсидію эмиграціонному движенію ирландцевъ. Ирландскій депутатъ и членъ земельной лиги, Парнелль, предложилъ правительству раздѣлить назначенную субсидію на двѣ части, съ тѣмъ, чтобъ одна часть шла въ помощь лицамъ намѣревающимся эмигрировать, а другая выдавалась бы на содѣйствіе переселенію крестьянъ изъ густонаселенныхъ въ малолюдныя мѣста. Такая мѣра, по мнѣнію Парнелля и его партіи, способствовала бы правильному распредѣленію народонаселенія на всемъ островѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавила бы многія тысячи ирландцевъ отъ тяжелой необходимости искать средствъ къ жизни въ далекихъ странахъ. Кромѣ того, въ Дублинѣ образовалась частная компанія капиталистовъ, располагающихъ значительными средствами, готовая сообщать съ правительствомъ содѣйствовать развитію дѣла переселенія крестьянъ въ предѣлахъ Ирландіи. Въ Лондонѣ состоялась ратификація дунайской конференціи. Делегаты Турціи и Румыніи не были уполномочены подписать конвенцію. Обмѣнъ ратификацій между иностранными державами отложенъ на семь дней, и въ этотъ срокъ Румыніи должна рѣшиться, присоединится ли она, въ концѣ-концовъ, къ нѣмцямъ остальныхъ державъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Генераль-губернаторъ Восточной Сибири, генераль Анучинъ, возбудилъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли евреи, живущіе въ Восточной Сибири, право строить тамъ и содержать винокуренные заводы. Въ дополненіе къ этому теперь сообщаютъ, что вопросъ этотъ обсуждался, надняхъ, въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената, причемъ рѣшено, что, въ силу существующаго особаго Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго еще въ 1835 г., евреямъ не имѣютъ права содержать въ Восточной Сибири винокуренные заводы, равно какъ и производить тамъ оптовую и розничную торговлю крѣпкими напитками. Въслѣдствіе такого рѣшенія правительствующаго сената, евреямъ, содержащимъ въ Восточной Сибири винокуренные заводы, предоставленъ будетъ опредѣленный срокъ для ликвидаціи дѣлъ или для передачи заводовъ въ другія руки.

— Проектируемое новое Приморское генераль-губернаторство будетъ состоять, по словамъ „Нов. Врем.“, изъ областей Забайкальской, Амурской и Уссурийской и изъ отдѣльных управленій полуострова Камчатки съ Командорскими островами (г. Петропавловск) и острова Сахалина (с. Александровское). Во всѣхъ перечисленныхъ областяхъ предполагается имѣть военныхъ губернаторовъ, съ подчиненіемъ имъ войскъ по званію командующихъ войсками на существующихъ основаніяхъ; въ Камчаткѣ же и Сахалинѣ—особыхъ начальниковъ съ правами гражданскихъ губернаторовъ по административной и полицейской частямъ и съ властью губернскихъ воинскихъ начальниковъ по управленію мѣстными командами. Мѣстопробываніе губернаторовъ предполагено: Амурскаго въ гор. Хабаровскѣ, Забайкальскаго въ гор. Читѣ и Уссурийскаго въ Владивостокѣ, а центромъ новаго Приморскаго генераль-губернаторства избирается городъ Благовѣщенскъ, какъ уже имѣющій нѣсколько казенныхъ зданій, чрезъ что облегчается размѣщеніе тамъ всѣхъ органовъ гражданскаго и военнаго управленія и уменьшаются расходы казны на ихъ устройство. Въ виду важности дѣла проектированнаго Приморскаго генераль-губернаторства, въ настоящее время уже приступлено къ составленію штатовъ новыхъ военныхъ губернаторствъ, съ тѣмъ, чтобы предложенія по сему предмету могли быть внесены въ государственный совѣтъ въ началѣ осенней сессіи настоящаго года.

— Находящійся въ настоящее время въ Петербургѣ генераль-губернаторъ туркестанскаго края, генераль М. Г. Черняевъ, по словамъ „Новостей“, ходатайствуетъ передъ правительствомъ о введеніи во ввѣренное ему край нѣкоторыхъ реформъ и, главнымъ образомъ, объ улучшеніи тамъ юстиціи.

— Та же газета сообщаетъ, что одновременно съ ходатайствомъ генераль-губернатора туркестанскаго края, объ улучшеніи судебной части ходатайствуетъ также и генераль-губернаторъ Восточной Сибири, ген. Анучинъ. Въ случаѣ введенія тамъ судебной реформы, откроется въ Восточной Сибири много вакантныхъ мѣстъ для лицъ, получившихъ юридическое образованіе.

— Съ нынѣшняго года вводится общая воинская повинность и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, которыя были до сихъ поръ изъяты отъ отбыванія ея, такъ, напримѣръ: въ Війскомъ уѣздѣ Томской губерніи, въ Бухтарминской инородной волости и нѣкоторыхъ другихъ, какъ передаетъ „Нов. Вр.“.

— „Новостямъ“ сообщаютъ, что въ настоящемъ году вывозъ чая изъ Ханькоу русскими фирмами долженъ значительно усилиться сравнительно съ прошлымъ годомъ. Въ прошломъ году русскими фирмами изъ этого порта вывезено чаевъ: байхового 17.589,720 фунтовъ, плиточнаго 115,288, кирпичнаго чернаго 13.930,513, кирпичнаго обыкновеннаго 2.866,234 и кирпичнаго зеленаго 337,317 фунтовъ, а всего вывезено изъ Ханькоу на сумму 11.046,369 рублей. Въ настоящемъ же году изъ Ханькоу уже вышло съ чаемъ до

20-ти пароходовъ, въ томъ числѣ семь русскихъ судовъ большихъ размѣровъ. Изъ этихъ судовъ четыре принадлежатъ обществу добровольнаго флота.

— Въ церковной іерархіи, по словамъ „Петербургской Газеты“, произошли новыя перемѣны. На мѣсто пресвященнаго Петра, уволеннаго на покой, епископомъ томскимъ назначенъ пресвященный Владиміръ, бывшій викарій Томской епархіи и начальникъ алтайской миссіи. Пресвященный Александръ, епископъ туркестанскій, перемѣщенъ на костромскую епархіальную кафедру, на мѣсто недавно скончавшаго пресвященнаго Игнатія; на архіерейскую же кафедру въ Туркестанѣ назначенъ викарій Херсонской епархіи, епископъ елисаветградскій Неофитъ. Въ Иркутской епархіи открывается новое викаріатство съ наименованіемъ—киренское, и первымъ епископомъ киренскимъ будетъ архимандритъ Макарій, состоящій въ настоящее время начальникомъ иркутской православной миссіи. Хиротонію о. Макарія въ санъ епископа предположено совершить въ Иркутскѣ.

— „Русь“ съ прискорбіемъ отзывается объ отставкѣ г. Чичерина, опасаясь, что оставленіе имъ своего поста именно теперь, хоть бы и по прошенію, непременно будетъ истолковано за границей въ смыслѣ самомъ не выгодномъ для русскаго національнаго чувства. „Оно, говоритъ газета, только укоренитъ клевету по поводу известной рѣчи,—клевету, которую съ такимъ злорадствомъ воспроизвели въ Европѣ наши недруги,— которую, по этому самому, въ интересахъ Россіи, было бы желательно совершенно развѣять; которую мы съ своей стороны и постарались опровергнуть, въ 12 и 13 №№ „Руси“, и казалось, съ полнымъ успѣхомъ. Мы тогда же однако высказали мнѣніе, что „личный нашъ голосъ слишкомъ слабъ, что обязанность опроверженія лежитъ на правительственныхъ органахъ печати“. Но благодаря безтактному молчанію этихъ органовъ, благодаря статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“, и въ особенности выходу г. Чичерина въ отставку, не только въ чужихъ краяхъ, но пожалуй и въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ Россіи, теперь уже никого не разувѣришь въ дѣйствительномъ бытіи небывалаго безобразнаго факта, способнаго, конечно, въ немалой степени поубавить (особенно для иностранцевъ) значеніе и обаяніе нашихъ майскихъ торжествъ... Это имъ на руку“. Кроме того, газета „Русь“ уполномочена заявить, что вышедшая въ Берлинѣ у Бера русская брошюра въ защиту г. Чичерина, подъ заглавіемъ: „Рѣчь г. Чичерина“, появилась въ свѣтъ не только безъ всякаго участія, но и безъ вѣдома г. Чичерина.

— О здоровье И. С. Тургенева, по свѣдѣніямъ „Новаго Времени“, получаютъ все самыя неутѣшительныя извѣстія. Онъ ужъ совсѣмъ не встаетъ съ постели. Мучительныя боли въ груди и желудкѣ продолжаются безъ перерыва. Онъ исхудалъ ужасно. Мысль о смерти почти не покидаетъ его и онъ все строитъ разныя предположенія о томъ, какъ его будутъ перевозить въ Россію, гдѣ похоронятъ и проч. „Я хотѣлъ бы лежать на Волковомъ, рядомъ съ моимъ другомъ Бѣлинскимъ“, недавно сказалъ онъ одному близкому ему челоуку... Земляки и почитатели знаменитаго романиста не хотятъ, однако, ничего знать и буквально осаждаютъ его въ Вукивалѣ.

— Въ газетахъ напечатана слѣдующая телеграмма Съвернаго Телеграфнаго Агентства: Кронштадтъ, 14 го августа, воскресенье. Сегодня управляющій морскимъ министерствомъ адмиралъ Шестаковъ произвелъ смотръ броненосному фрегату „Мининъ“ и пожелалъ экипажу счастливаго плаванія, послѣ чего фрегатъ, въ пятомъ часу, снялся съ якоря и отправился въ заграничное плаваніе въ Тихій океанъ“.

На фрегатѣ „Мининъ“ отправилась ученая экспедиція, снаряженная Имп. Геогр. Общ., подъ руководствомъ извѣстнаго сибирскаго изслѣдователя Г. Н. Потанина. Экспедиція г. Потанина направляется въ мало-изслѣдованную область Китая, Гань-су. Подробности о ней мы сообщимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ „Восточнаго Обозрѣнія“.

БИБЛИОГРАФІЯ.

(Окончаніе).

Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка. Книга первая, 1700—1713 г. Сиб. 1882 г. ч. 2 р. 50 к. Изъ актовъ, трактующихъ о жалованьи служилымъ людямъ, о повышеніи ихъ въ чинахъ, объ оупущеніяхъ по службѣ и о преступленіяхъ служилыхъ людей (20 №№), нѣкоторые представляютъ интересныя подробности для исторіи сибирской администраціи начала XVIII вѣка. Такъ, нѣкоторые служилые люди обращались къ правительству съ просьбою наградить ихъ высшимъ чиномъ не только за собственные ихъ заслуги (это было бы, по нашимъ понятіямъ, дѣломъ обыкновеннымъ), но также за заслуги близкихъ родныхъ (отца, сына) и даже предковъ. Василій Галкинъ былъ приверстанъ въ дѣти боярскіе за службы его самого и за службы его предка, бывшаго въ Сибири съ Ермакомъ (№ 51). Степанъ Евдокимовъ записанъ въ дѣти боярскіе за заслуги его сына (№ 76). Нельзя не обратить вниманія на грамоту воеводъ въ Тюмени (№ 16) о храненіи дѣлъ. Этою грамотою живо рисуется отношеніе воеводъ къ архивамъ приказныхъ изъбъ: «во многихъ сибирскихъ городахъ великаго государя грамоты и дѣла и столпы и книги прошлыхъ лѣтъ валиютца подъ приказными изъбами и въ анбарѣхъ, и небреженіемъ отъ многихъ лѣтъ лежа погнили, и мыши переѣли, и подраны» (стр. 77). Въ актахъ, относящихся до служилыхъ людей, есть свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ красноярскихъ воеводъ (№ 9); тутъ, между прочимъ, были замѣшаны и подьячіе. Съ подьячими приказано было поступать такъ: «бывъ ихъ кнутьемъ и потомъ пятакомъ городовымъ въ спину запятавъ, отечъ имъ у обихъ рукъ пальцы, чтобъ впредь къ писму были непотребны и отдать ихъ въ пашенную работу мужикамъ по смерти ихъ, и веать имъ себя питать работою земляною и скотопаствомъ» (стр. 44). Акты о служилыхъ людяхъ передаютъ также свѣдѣнія о раздорахъ въ средѣ служилыхъ людей въ Камчаткѣ. Эти раздоры, происходившіе, вѣроятно, изъ-за пушныхъ богатствъ далекой окраины, з кончилися убійствами начальныхъ людей, прикащиковъ камчатальскихъ остроговъ (№№ 104, 105, 112....).

Въ сборникѣ есть немного документовъ, представляющихъ матеріалъ для исторіи распространенія христіанства въ Сибири (3 №№). Тутъ отмѣтимъ дарскую грамоту объ обращеніи остяковъ въ христіанскую вѣру (№ 96). Любопытныя вѣщныя средства, при помощи которыхъ русское правительство старалось привлечь остяковъ къ православію. «Которые остяки малые и великіе, говорится въ грамотѣ, вѣруютъ и крестятца, тѣмъ остякомъ нашего великаго государя милость ясашные домики все оставяты указали» (стр. 413). «А ко крещенію имъ (остякамъ) кафтаны бѣлые и рубашки изъ нашей казны и халбѣ... также давать указали» (стр. 414).

О военномъ дѣлѣ въ актахъ (7 №№) сообщаются нѣкоторыя интересныя подробности. Напр., есть грамота Туринскому воеводѣ о клейменіи ружей (№ 38). Клейменіе ружей было установлено вслѣдствіе того, что многие торговые и служилые люди провозили ружья въ Сибирь, не оплачивая пошлиной, тайно, «заповѣдными дорогами». Кроме того, иные доставляли ружья въ степи и продавали такимъ людямъ, продавать которымъ не велію (стр. 187). Въ грамотѣ о наборѣ солдатъ въ Сибирь приказывалось «иноземцевъ, шведовъ и поляковъ и татаръ и калмыкъ и мугалъ и сельскихъ людей въ тое солдатскую службу не принимать и не записывать» (№ 49, стр. 211).

Въ «Памятникахъ Сибирской исторіи» есть нѣсколько документовъ (7 №№), заключающихъ свѣдѣнія о денежныхъ повинностяхъ, которыя требовались правительствомъ съ сибирскихъ жителей. Такъ, въ Россіи производилась вербовка рабочихъ для государственныхъ сооружений, а съ Сибирскихъ городовъ за мастеровыхъ и рабочихъ людей положено брать деньги (№ 97, стр. 415). Въ другомъ случаѣ было приказано «за провіантъ Сибирской губерніи собрать деньги и на деньги провіантъ (халбѣ) поставить подрядомъ» (№ 101, стр. 431).

Къ исторіи горнозаводскаго дѣла въ Сибири и положеній крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, относится дѣлая группа актовъ (14 №№). Тутъ обратимъ вниманіе на документы (№ 79 и 90), изъ которыхъ можно видѣть, что крестьянамъ тѣхъ свободъ, которыя были причислены къ заводамъ, приходилось выполнять крайне обремени-

тельные работы. Крестьяне Каменскихъ заводовъ въ концѣ-концовъ вынуждены были обратиться съ челобитными къ царю объ облегченіи работъ посредствомъ приписки къ заводамъ крестьянъ еще другихъ свободъ. Допустимъ даже, что крестьяне преувеличиваютъ свои тягости, но уже тотъ одинъ фактъ, что они рѣшились обратиться къ Петру Великому съ просьбою объ облегченіяхъ, свидѣтельствуеетъ, что положеніе ихъ было одно изъ тяжелыхъ.

Между актами, объясняющими условія сибирской торговли (9 №№), есть грамота Енисейскому воеводѣ о строгомъ запрещеніи торговцамъ и всякимъ чиновъ людямъ вѣздить въ Китай безъ особаго правительственнаго разрѣшенія (№ 68). «Тѣмъ людямъ, которыя являца въ Китаехъ, или съ какими товарами, безо всякаго пощадя учинена будетъ смертная казнь» (стр. 278). Такой строгій надзоръ за торговыми и иными сношеніями русскихъ съ китайцами былъ направленъ къ тому, чтобы пропускать русскихъ людей въ Китай по выбору и чрезъ это, по возможности, избѣгать непріязненныхъ столкновеній съ сильнымъ соседомъ.

Нѣсколько документовъ въ «Памятникахъ» (7 №№) относятся къ исторіи городского благоустройства и одинъ актъ сообщаетъ свѣдѣнія о новомъ распредѣленіи областей. Изъ первыхъ актовъ видно, что правительство заботилось объ умноженіи каменныхъ построекъ въ сибирскихъ городахъ, старалось предупредить пожары, о чемъ посылались въ города особые грамоты, въ которыхъ идетъ рѣчь о мѣрахъ противъ пожаровъ. Какъ свѣдѣтельство заботъ правительства о народномъ здравіи, интересна грамота Березовскому воеводѣ (№ 31), которою отъ этого воеводы требуются свѣдѣнія о моровомъ повѣтріи въ Березовѣ.

Въ трехъ актахъ находимъ свѣдѣнія о путяхъ сообщенія въ Сибири. Въ одномъ документѣ (№ 48) дѣло идетъ о перемѣнѣ зимняго сибирскаго тракта, въ другомъ (№ 115) — о расчисткѣ дороги между Верхотурьемъ и Туринскомъ, шириною болѣе 3-хъ сажень. Третій актъ есть указъ о поставкѣ веретовыхъ столбовъ. «Мѣрять, сказано въ указѣ, всякую версту по 500 сажень, и ставить столбы, а на тѣхъ столбахъ писать слова Русскіе, а не цыфирные» (№ 114, стр. 492).

Наконецъ, упомянемъ о двухъ оригинальныхъ актахъ, относящихся къ исторіи вообще реформаторской дѣятельности Петра Великаго. Въ грамотѣ Енисейскому воеводѣ (№ 65) приказывалось жителямъ, кромѣ лицъ духовныхъ и пашенныхъ крестьянъ, носить платье нѣмецкаго покроя. Не подчинившіеся этому распоряженію платили штрафныя деньги особымъ дѣловальникамъ. Затѣмъ, въ отпискѣ Тобольскихъ воеводъ Енисейскому воеводѣ (№ 66) сообщается царскій указъ о бритьѣ бороды и усевъ. Носить бороду и усы позволялось только духовнымъ лицамъ и пашеннымъ крестьянамъ, но и послѣдніе, при вѣздѣ въ городъ должны были за это платить деньги.

«Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка» изданы археографической комиссіей на средства, данныя для этого корреспондентомъ ей, А. И. Зостомъ. Первая книга «Памятниковъ» напечатана подъ редакціей члена археографической комиссіи А. И. Тимофеева. Въ началѣ сборника помѣщено введеніе, въ которомъ авторъ указываетъ на содержаніе и научно-историческое значеніе актовъ, заключающихся въ сборникѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ вообще объ изданіи источниковъ для исторіи Сибири. Много ли сдѣлано въ этомъ отношеніи? Очень мало, въ особенности, если принять во вниманіе то громадное собраніе рукописныхъ матеріаловъ по исторіи Сибири, которое хранится въ Москвѣ, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ иныхъ учрежденіяхъ. Кроме того, нужно замѣтить, что тѣ изданія источниковъ для сибирской исторіи, которыя до сихъ поръ вышли въ свѣтъ, обязаны своимъ появленіемъ или меценату — любителю старины, или ученымъ учрежденіямъ и лицамъ, дѣятельность которыхъ посвящается только въ самой малой степени изданію памятниковъ сибирской исторіи. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обнародованіе источниковъ для исторіи Сибири, до сихъ поръ не предпринято ничего систематическаго. И сибиряки, кому въ особенности должно быть дорого это дѣло, заботящиеся о немъ меньше всего, между тѣмъ какъ имъ всего ближе найдти средства и заняться изданіемъ источниковъ для исторіи своей родины.